

Ответственный редактор Ю. И. МАКАРОВ

ОТ АВТОРА

Репортер работает не в одиночку. Приезжая на место происшествия, на интервью к будущему герою материала или разбираясь в конфликтной ситуации, он часто получает информацию от своих коллег, использует их опыт и знания. И в сборе материалов, подготовке и написании иных статей я не смог бы обойтись без дружеской помощи. Своими соавторами в работе над этой книгой считаю Николая Бакланова, Юрия Балакирева, Андрея Пральникова, Станислава Глухова, Виктора Лошака, Юрия Макарова, Александра Шальнева и Сергея Цикору.

ИЛЛЕШ А. В.

И 44 Катастрофа.— М.: Известия, 1989.— 160 с., ил.

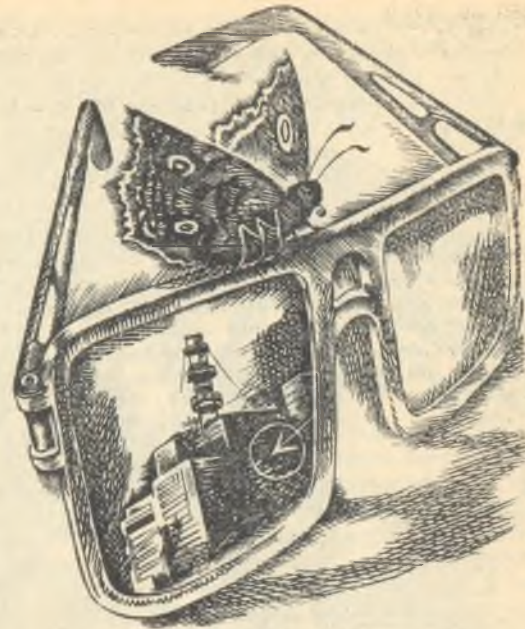
В книгу вошли очерки, репортажи, беседы о наиболее сложных и острых проблемах нашей жизни. Это материалы о черномыльской аварии с самого первого момента до постройки саркофага, беседы с медиками. Материалы о наркомании; интервью с руководством милиции о гласности; рассказ о ростовском деле. Последняя глава книги о людях, поставивших целью жизни защиту природы Уссурийской тайги, магаданской лесотундры, «Тигровой балки».

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

И 0802010203 — 051 — 46а — 89
074(02) — 89

ББК 66.3(2)6

ISBN 5—206—00017—5

Глава первая, продиктованная из тридцатикилометровой зоны

ЧТО ВЫСВЕТИЛО ЗАРЕВО НАД ПРИПЯТЬЮ!

Что мы знаем о трагедии Чернобыля? — странный для многих сегодня вопрос. Пальцев, как говорится, не хватит загигать, перечисляя проблемы, о которых написаны десятки статей. И все это — эхо Чернобыля. Так? Да не совсем так. Объяснюсь.

Трудно с чем-то сравнить потрясение, которое мы (да и, пожалуй, весь мир) пережили после той апрельской ночи 86-го. Газетчики пытались, как могли, удовлетворить почти физическую жажду правдивой информации в дни, когда четвертый аварийный блок стал центром всеобщего внимания, гнева, недоумения. Ежедневно, обгоняя друг друга, публиковали мы свои репортажи. Разные — правдивые и не слишком, «сенсационные» и «взвешенные». И читатель, казалось, узнал об атомной энергетике и последствиях легкомысленного к ней отношения (позже названного — преступным) много всего сразу...

Но постепенно тон газет и журналов стал меняться — менялась и ситуация на берегах Припяти. И из трагедии, уже вроде бы узнанной, но еще до конца не осмысленной, стала вырастать некая героическая история о новой стройке. Вновь замелькал сверхплановый бетон и ночные смены, вновь рапорты о досрочном пуске...

Была ли на самом деле в Чернобыле «героика будней»? Да, конечно. Сколько угодно! Но вот компенсирует ли рассказ о ней и только о ней всю жесткую правду случившегося? Убежден: нет. Не ликвидирует пробелы и художественная проза, бойко появившаяся «по случаю».

А что документалистика? Ведь время одних только газет — кончается, необходимость же в информации — не прошла. К нашему стыду, за рубежом вышли уже десятки изданий, многие из которых переполнены «кляквой». Другие же — серьезные — основаны, как это ни парадоксально, на информации советских специалистов. Той самой, что опубликована полностью только на Западе...

Я еще раз задам этот странный вопрос: что же все-таки мы знаем о Чернобыле? А ответу на него цитатой из книги Владимира Губарева «Зарево над Припятью».

«Инженер из Харькова не в состоянии определить разницу между взрывом водорода и взрывом водородной бом-

бы, его коллега из Киева понятия не имеет, что такое естественный радиационный фон, молодая женщина из Краснодара убеждена, что «дети из Припяти заразят всех в округе радиацией», педагоги из Полтавы требуют, чтобы «в этом году не продавали рыбу из Днепра», и так далее и тому подобное. Хочется спросить: дорогие товарищи, чему же вы учились в школе? Наконец, в вузе?.. Да, можно простить старушку из села, что на Гомельщине, когда она просит рассказать о радиации — она могла запомнить, но тем, кому 20 или 40 лет, — разве простительно незнание?! Каково же было мое удивление, когда в беседах с жителями Припяти выяснилось, что они весьма смутно представляют, что такое ядерная энергетика, а о радиобиологии и ионизирующих излучениях, уже не говоря об изотопах, вообще понятия не имеют. Казалось бы, им, жителям атомного города, положено это знать!

А тем руководителям, которые в масштабах области и республики отвечают за атомную энергетику? И вдруг выяснилось, что руководить-то руководили, а книги по физике, по радиационной безопасности (популярные, конечно) взяли в руки лишь после аварии на станции.

Как ни парадоксально, но мы, спецы центральных газет, в те майские дни стали «просветителями» не только на страницах собственных изданий. Приходилось раздавать интервью, помогать ответственным должностным лицам проводить пресс-конференции, просто встречаться с людьми... И объяснять, объяснять, объяснять...

Невежество порождает страх, панику и как следствие этого — злопыхательство. Это тоже из уроков аварии. К сожалению, некоторые из этих уроков до сих пор не «выучены», хотя выводы надо было сделать в первые же майские дни. Речь — о «ликбезе по радиобиологии». Первые после аварии дни показали, что многих она застала врасплох. И как вывод из всего произошедшего: саркофаг в Чернобыле обязан стать символом нашей победы над атомной стихией, но он может превратиться и в символ слабости, заблуждений и ошибок нашего времени, если сегодня, сейчас каждый из нас и все вместе мы не учтем уроков аварии в Чернобыле и не сделаем всех выводов из нее.

К такому трудному, но единственно возможному выводу приводят и цифры, которые породила самая дорогая на планете авария. Вот они: с учетом косвенных потерь роковая «ошибка» или, точнее, серия безответственных действий на четвертом реакторе уже обошлась нам в 8 000 000 000 рублей! Переселено и трудоустроено в новых районах сто с лишним тысяч людей. А это, как ни крути, поломанные жизненные планы, большие и маленькие трагедии. И — проблемы, проблемы... Последних хватает и в области технической. И здесь специалистам необходимо помнить: пусть давно не «дымится» аварийный блок, забывать о том, что мирный атом может действительно войти в каждый дом и наде-

вать неопикуемых бед, — поистине преступно. Не простят нам этого потомки, не объяснишь такое «занятостью» иными проблемами, тем, что «бывают дела поважней».

Поэтому вернуться в страшные дни конца апреля и мая 1986-го — никогда нелишне. Как это было? Как это я помню? Так, как успел в чудовищной нервотрепке, переездах и перелетах да ночных бдениях записать в блокнот и передать в редакцию.

Итак...

ШЕРЕНГА НОМЕР ОДИН

Попробую, насколько это возможно, восстановить события трагической ночи 26 апреля. Хотя прошло уже время и оно вместило в себя многое... Но какие бы значительные события, наслаиваясь друг на друга, ни разделяли день сегодняшний и ночь 26 апреля, убежден: чрезвычайно важно буквально по минутам еще раз вспомнить о том, что и как тогда происходило.

Ведь журналисты появились не сразу. И оценки их, в силу сложившихся обстоятельств, не могли скрупулезно точно донести до читателя то, что происходило час за часом, минута за минутой на четвертом блоке АЭС. А на станции к началу мая расспрашивать о взрывах и пожаре было практически некого. Очевидцы, все те, кто принимал участие в борьбе с огнем, те, кто шел в первой шеренге, были эвакуированы или лежали в больницах Киева и Москвы. Но хранят подробности документы тех дней. И они, на мой взгляд, при всех техницизмах и специфичности языка, доносят, пожалуй, самые верные сведения о первых часах борьбы.

Итак, ночь с 25 на 26 апреля.

1 час 23 минуты 43 секунды. Точное время взрыва определилось не сразу. Расхождения в минутах, разночтения в газетах — естественны. Люди ведь смотрели на свои часы, а те показывали время по-своему.

Так же по-своему, по-разному воспринимали момент аварии очевидцы...

Дежурство по охране АЭС нес третий караул. Целый день караул проводил время в соответствии с обычным распорядком: теоретические занятия в учебном классе, практические — под руководством лейтенанта Владимира Правика на строящемся пятом энергоблоке. Потом играли в волейбол, смотрели телевизор.

В третьем карауле дежурил Владимир Прищеп:

«Я ушел спать в 23 часа, потому что позже надо было заступать дневальным по части. Ночью я услышал взрыв, но не придал ему значения. Через одну-две минуты прозвучала боевая тревога...»

Особого внимания на стремительно развивавшиеся события в первые секунды не обратил и Иван Шаврей, который в этот момент находился на посту возле диспетчерской.

«Мы стояли втроем, разговаривали, как вдруг — мне так показалось — послышался сильный выброс пара. Мы это не приняли всерьез: похожие звуки раздавались и до того дня неоднократно. Я собирался уходить отдыхать, как вдруг сработала сигнализация. Кинулись к щиту, а Легун пробовал выйти на связь. Но никакой связи не было... Тут и произошел взрыв.

Я бросился к окну. За взрывом последовал мгновенно следующий взрыв. Я увидел черный огненный шар, который взвился над крышей четвертого блока...»

Выходит, по свидетельству очевидцев, находившихся вне четвертого блока, примерно в 1 час 23 минуты последовали два взрыва, над блоком взлетели какие-то горящие куски и искры. Часть из них упала на крышу машинного зала. Начался пожар.

Момент взрыва и сирену внутри пожарной части разделяла минута. Вряд ли ее было довольно, чтобы осознать до конца всю опасность, а главное — что предстоит сделать пожарным в ближайшие часы рядом с разрушенным реактором. Пока они только успели натянуть робы и бросились к машинам, к своим постам.

Стало ясно: это не просто пожарная тревога. Это сигнал «тревоги номер три» — самой большой, требующей особой мобилизации. Мобилизации не только всех пожарных частей в широком радиусе, но и собственных сил — физических. А еще больше — моральных.

Сразу после получения сигнала о взрыве к месту вызова выехала пожарная автоцистерна, а также насосная станция и «рукавный автомобиль» во главе с начальником караула лейтенантом Владимиром Правиком.

К выезду стали готовиться все свободные от дежурства сотрудники пожарных частей. Не только Припяти. К месту пожара уже спешила машина из Киева...

1 час 30 минут. К станции подъехала машина Правика.

По внешним признакам — отблескам пламени на кровле машинного зала и аппаратного отделения — лейтенант определил очаг горения и организовал тушение пожара со стороны машинного зала — это было необходимо для защиты несущих металлических ферм. И со стороны реакторного отделения — для тушения огня на кровле.

Как позже выяснилось, это было единственно верное решение. Благодаря ему и удалось предотвратить распространение пожара.

Из документов.

«Лейтенант внутренней службы Правик Владимир Павлович, начальник караула военизированной пожарной части МВД по охране Чернобыльской АЭС. 1962 года рождения,

Киевская область, г. Чернобыль, украинец, член ВЛКСМ с 1977 г., образование среднее специальное.

Тов. Правик В. П. в органах внутренних дел с 1979 года. После окончания Черкасского пожарно-технического училища в 1982 г. назначен на должность начальника караула военизированной пожарной части номер 2 (ВПЧ-2) по охране Чернобыльской атомной электростанции. За весь период службы характеризуется только с положительной стороны.

К моменту прибытия двух отделений во главе с начальником караула лейтенантом Правиком В. П. пожаром был охвачен 4-й энергоблок, кровля машинного зала, создавалась реальная угроза распространения пожара по всей кровле машинного зала, на 3-й энергоблок.

Лейтенант, прибыв на объект, правильно оценил обстановку, подтвердил повышенный (номер 3) вызов, выбрал решающее направление для работы боевого участка и в условиях высокого уровня радиации, проявляя стойкость и мужество, обеспечил успешное тушение».

Час и двадцать минут находился Владимир Правик в смертоносных лучах радиации. И этот срок оборвал его короткую жизнь. Это, ничтожно малое по сравнению с жизнью, время вместило в себя подвиг лейтенанта. Теперь его имени всегда будут предшествовать высокие слова — Герой Советского Союза.

Еще выдержка из документов — она обозначена как «дополнительные сведения». Они, эти сведения, так же кратки, как и прожитая лейтенантом Правиком жизнь:

«Лейтенант Правик Владимир Павлович. В 1982 году закончил Черкасское пожарно-техническое училище, из семьи рабочего, член ВЛКСМ с 1977 года, учился в средней школе № 1 г. Чернобыля, окончил школу на «4» и «5». После окончания училища в 1982 году был назначен начальником караула СВПЧ-6 г. Припяти, в июле 1983 года, для укрепления службы на АЭС, переведен в ВПЧ-2 начальником караула. В 1983 году награждался за образцовую организацию тушения пожара. За успешное выполнение обязанностей в 1983 году объявлена благодарность. В 1985 году поощрен за рационализаторскую работу.

Любил спорт, III разряд по лыжам, занимался пожарно-прикладным спортом. В 1980 году работал на московской Олимпиаде. За образцовую службу поощрен приказом МВД СССР.

Принимал активное участие в благоустройстве и эстетическом оформлении помещений части. Любил столярное и плотницкое дело...»

В «дополнительные сведения» эти не записать главного — горя молодой жены Владимира: когда не стало отца, их дочери едва исполнился месяц, слезы родителей и брата...

1 час 35 минут. К месту аварии прибыл дежурный караул другой пожарной части города Припяти во главе с началь-

ником караула лейтенантом Виктором Кибенком. Кровля над машзалом четвертого энергоблока и помещениями аппаратного отделения продолжала гореть. Здесь в результате взрыва частично обрушилась крыша...

«Прибыв на место аварии с дежурным караулом СВПЧ-6, Кибенок В. Н. возглавил звено газодымозащитной службы и произвел разведку пожара в помещениях, прилегающих к активной зоне реактора. Уровень радиации там был велик. Правильно определив боевые позиции, Кибенок В. Н. организовал работу личного состава караула, обеспечил подачу воды на кровлю машинного зала с помощью автолестницы и стационарных сухотрубов. Действиями руководимого им караула было остановлено распространение огня в сторону третьего энергоблока.

Личным примером, профессионально грамотными, смелыми и решительными действиями Кибенок В. Н. воодушевил подразделение на выполнение боевой задачи.

После длительного воздействия высокого уровня радиации, высокой температуры и едкого дыма Кибенок В. Н. был выведен из боевого расчета. Позже госпитализирован в клинику г. Москвы».

«Дополнительные сведения»: «Кибенок Виктор Николаевич, родился 17 февраля 1963 года, член ВЛКСМ с 1977 года. В 1980 году окончил Ивановскую среднюю школу. В сентябре 1980 года зачислен пожарным в ВПЧ-2 Чернобыльской АЭС. Учился в Ворошиловградской школе подготовки младшего и среднего начсостава. После окончания училища назначен начальником караула СВПЧ-6. В 1985 году поощрен за достигнутые успехи по предупреждению пожаров. В 1983 году награжден грамотой РК ВЛКСМ. Секретарь комсомольской организации части.

Из семьи потомственного пожарного. Отец — Кибенок Николай Кузьмич, майор запаса. Мать — Ирина Иосифовна, 1937 года рождения. Жена — Татьяна Николаевна, 1962 года рождения».

К выписке из личного дела двадцатитрехлетнего лейтенанта, теперь Героя Советского Союза Виктора Кибенка, добавлено уже просто от руки:

«Поощрялся за успешное выступление в областных соревнованиях по пожарно-прикладному спорту. Увлекался техникой, любил быстро ездить на мотоцикле...»

Мало все-таки говорят эти отрывочные сведения. Только одно, пожалуй, — как молоды и как полны жизни были эти ребята. А о том, что на самом деле значит — «произвел разведку в помещениях, прилегающих к активной зоне реактора», приходится только догадываться.

Ибо никто никогда в мирное время так вплотную не приближался к невидимой смерти.

1 час 46 минут. На место пожара прибыл начальник ВПЧ-2 майор Леонид Телятников. Это был последний день

его отпуска. 12 мая, уже в московской клинике, майор Телятников напишет о том, что видел и как действовал во время пожара. Но прежде чем привести его собственноручное описание, вновь обратимся к протоколу:

«...майор Телятников принял следующие решения:

Организовать боевой участок № 1 со стороны кровли машзала с задачей локализовать пожар.

Организовать боевой участок № 2 со стороны реакторного отделения для тушения пожара на кровле.

После взрыва невозможно было пробраться в аппаратное отделение через разрушенные помещения, и боевые позиции ствольщиков были переведены на кровлю аппаратного отделения, откуда происходило тушение пожара и охлаждение конструкций.

Майор Телятников разведал места с большой радиацией и загазованностью (вокруг горел пластикат, выделяющий при этом отравляющие вещества), правильно оценил обстановку, расставил силы и средства на решающем направлении. Тем самым он обеспечил локализацию пожара на кровле машзала и предотвратил серьезные последствия. Майор Телятников в зоне радиоактивного заражения находился 1 час 40 минут и также получил сильное отравление...»

Ах, как сух и строг протокольный слог!.. Вновь заставляет он о многом догадываться, «включать» воображение...

Позиции для атаки на огонь — организованы. Но они не укрепленные «сооружение». И менять их приходится постоянно, ведь сам огонь своенравно и коварно передвигается. Не так просто в тех условиях было «перенести боевые позиции» ствольщиков — каждый шаг давался с трудом. Из-за адской жары плавился битум покрытия и сапоги пожарных с каждой минутой становились все тяжелее, вязли в расплавленной массе, превращались в «свинцовые» из-за налипшей на них смолы. Невидимый удар радиации наступал не сразу, но ядом горевшего пластика был пропитан застилавший глаза дым...

Вот как написал о пожаре майор Телятников:

«В 01 часов 45—50 минут прибыл на территорию АЭС. Увидел разрушения аппаратного отделения четвертого энергоблока и горение на покрытии аппаратного отделения третьего энергоблока. Горение было во многих местах и на различных отметках — от 12,5 до 71,5 метра.

...Машины стояли на гидрантах, я спросил: где начальник караула? Легун С. И. сказал, что он побежал к начальнику смены станции. По наружной лестнице поднялся на покрытие машзала. Пожарный Прищепа В. А. доложил: горение на кровле ликвидировано. Но это я и сам увидел. Дал команду подготовить еще один ствол, обвязаться спасательной веревкой и дежурить на кровле. Воду без надобности — не лить. А кровля на площади 200—500 квадратных метров просела...

Через пожарного Шаврея А. Н. передал команду: ВПЧ-2 остается у машзала, а СВПЧ-6 и другим двигаться к аппаратному отделению третьего энергоблока для тушения там покрытия».

И все дела — бегом, бегом... Время воистину не ждало. «Шаврей А. Н. помог установить технику. Тогда я побежал к начальнику смены станции. По пути установил, что в машзале огня уже нет. Мы осмотрели четвертый блок. Через выбитые панели просматривались кабельные помещения, где пожара не было. Однако из центрального зала хорошо можно было разглядеть не то зарево, не то свечение... Что это? Ведь в центральном зале кроме «пятак» реактора ничего нет, гореть — нечему. Мы решили: свечение исходит от реактора.

Позвонил, доложил обстановку для передачи в Киев». Прервем еще раз рассказ Телятникова. Итак, он увидел свечение. Сомнений в том, откуда оно исходит, у него не оставалось. Майор тут же доложил об увиденном. Не снял тем самым ответственности с себя — свой долг Телятников исполнил до конца, — но передал эстафету дальше.

Кто должен был подхватить ее? Кто был обязан немедленно принять меры по защите населения, а не трусливо перекладывать бремя ответственности дальше и дальше — пусть «наверху» решают?

На чьей совести мальчишки, гонявшие субботним утром в футбол, свадьба, гулявшая вечером того дня, что должен был быть объявлен днем горя? Кто должен ответить за распахнутые форточки и окна в домах Припяти?

Начинать бить в колокола надо было на месте, не дожидаясь «разрешений» и «виз». Из Москвы еще не видно было того, что воочию увидел Телятников — свечения реактора, но заслонить людей, пусть даже от возможной опасности, надо было немедленно.

Приходится предположить, что и на этот раз в поведении тех, кто должен был решиться на всю полноту и тяготы власти в критическую минуту, роковую роль сыграло пресловутое «авось». Авось обойдется, авось пронесет. Из столицы приедут, разберутся, укажут, что делать дальше. Из-за этого же «авось», авторов которого и не сыскать теперь, случилась задержка информации, которую приписывали злому умыслу. А надо — безответственности.

Докладная Телятникова: «Передал, чтобы диспетчер по рации связался со 2-м отделением ВПЧ-2 и направил его к аппаратному отделению для помощи СВПЧ-6.

Взял «лепестки» (респираторы) — шесть штук, — больше не было для личного состава СВПЧ-6. Поднялся на аппаратное отделение, чтобы убедиться в обстановке. Напор воды был слабым. Дал команду двумя машинами подавать воду в сухотрубную систему. Направились в аппаратное отделение через транспортный коридор четвертого блока. Там

сильным потоком шла вода, пройти не было возможности. В это время с покрытия спустился Правик В. П., доложил обстановку, с ним еще семь человек. Им было плохо: всех тошнило. Ехала скорая помощь, я ее остановил и отправил личный состав в медсанчасть.

...Я пошел для получения помощи, так как мы не знали радиационной обстановки, не было защитных костюмов и т. д. Мне сказали, что уже создан штаб, это было около трех часов. Соединили с директором. Я ему доложил обстановку, попросил направить дозиметрическую службу.

У директора дозиметристов под рукой не оказалось, он мне разрешил взять любого, которого найду на станции. Директор попросил откачивать воду, которая заливает третий энергоблок. Я — пообещал. Только просил, чтобы показали конкретное место.

Побежал вновь к третьему блоку: прибыл капитан Леоненко Г. А., который стал вести учет прибывающих частей. Я ему коротко объяснил расстановку наших сил. А сам кинулся искать дозиметристов. Дозиметриста нашел на первом энергоблоке.

...Пожар был потушен на покрытиях, но что внутри делается — еще полностью не знали. Мы объехали боевые участки. Вовсю заработал штаб пожаротушения. Мы прибыли в штаб гражданской обороны, доложили директору...»

И последнее из этих записей.

«...Личный состав пожарных частей работал добросовестно, не нужно было ни уговаривать, ни дважды повторять команды, понимали с полуслова, выполняли бегом».

Через пять месяцев после пожара, 25-го сентября, были опубликованы Указы Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза Леониду Телятникову, Виктору Кибенку и Владимиру Правiku (последним — посмертно).

Когда я позвонил Леониду в Кустанайскую область, где он отдыхал у родителей после выписки из больницы, чтобы поздравить его с высоким званием и взять интервью, разговор не получился. Майор был взволнован. И не улеглась еще, остра была горечь потери друзей.

Строки из протокола. Возможно, они в чем-то повторяют уже сказанное, но и это, убежден, не будет лишним:

«Личный состав работал в следующих, исключительно сложных условиях: разрушение активной зоны реактора и выход осколков деления за пределы помещений главного корпуса повлекли за собой сильную радиацию в зоне боевых действий; осложняло борьбу с огнем наличие сильнодействующих отравляющих веществ (продуктов горения); ствольщики действовали на больших высотах (от 32 до 60 метров), там, где произошли обрушения строительных конструкций...»

3 часа 22 минуты. К месту аварии прибыла первая оперативная группа управления пожарной охраны УВД Киевского облисполкома. К этому времени уже шло активное тушение пожара на кровле машзала, охлаждение обрушившихся после взрыва конструкций. Майор Телятников, лейтенант Правик к тому часу находились в состоянии сильного отравления. Впрочем, плохо было уже многим. На месте пожара работали прибывшие по сигналу номер три части из Чернобыля, Полесского, Иванкова, других районных центров Киевской области.

С 3 часов 30 минут до 4 часов была проведена частичная замена людей на боевых участках № 1 и № 2 — машины скорой помощи начали увозить тех, кто получил сильное отравление и имел признаки облучения (рвота, потеря сознания).

4 часа. На месте аварии сосредоточено 15 оперативных отделений. Начались замеры уровня радиации.

4 часа 20 минут. Установлено, что уровень радиации значительно превышает допустимый. С этого момента решено не подвозить непосредственно к месту аварии прибывающую технику и людей. Их сосредоточивали в пяти километрах. Начали формировать резервы.

4 часа 50 минут. Пожар локализован.

6 часов 35 минут. Пожар полностью и везде ликвидирован.

Заключительная страница официальной бумаги, описывающей действия подразделений пожарной охраны по тушению пожара на АЭС:

«С первым сообщением об аварии на АЭС была правильно прогнозирована возможная обстановка и приняты меры:

— по немедленной информации партийных и советских органов, областных организаций в соответствии с ранее разработанными партийными документами;

— по первому сообщению об аварии и пожаре были привлечены силы и средства 37 подразделений пожарной охраны с переводом личного состава на повышенную готовность и усиленный вариант службы. Все это дало возможность уже к 4 часам сосредоточить на месте аварии 81 основную и специальную пожарные машины, организовать сводный отряд численностью 186 человек для ликвидации возможных последствий аварии (возник повторный пожар)».

...Жива еще боль потеря, но уже стала историей та ночь, озарявшаяся вспышками, когда потоки воды стекали из проломов четвертого блока АЭС. А внизу — все прибывавшие машины скорой помощи.

И люди — грязные, измученные, обожженные.

Их усаживали в машины с красными крестами на крышах. И машины эти срывались прочь от станции.

О работе эксплуатационников станции, точнее, о том, к чему привела такая «работа», мы уже говорили. Но винить всех, кто каждый день приходил на смену к блокам Чернобыльской АЭС, было бы, конечно, глупо и несправедливо. Безусловно, среди них были квалифицированные специалисты, преданные делу люди. И, как показала авария, самоотверженные.

Не остановила невидимая радиация заместителя главного инженера первой очереди электростанции А. Ситникова. Он прибыл на станцию среди первых, хоть за поврежденный реактор сам не отвечал — не его это участок работы. Ситникову, безусловно, с первого взгляда была ясна чудовищная опасность пребывания вблизи разрушенного реактора. Однако он шел ей навстречу. И не раз. Обстоятельно обследовал помещения вокруг разрушенного реактора, помог составить конкретную оперативную картину повреждений. Он действовал так, хорошо зная, что мало кто на станции лучше него ориентируется в помещениях третьего и четвертого энергоблоков. Потому и считал: в критический момент его место — здесь. Выйдя второй раз из активной зоны, Анатолий Андреевич почувствовал себя плохо, с трудом добрался до своего кабинета. Решил там немного отдохнуть. Увы, встать он уже не смог. Отсюда его и увезли в больницу...

Погиб и А. Лелеченко — начальник электроцеха. В пять утра он примчался на станцию и приступил к делу, когда пожарные свою работу уже заканчивали. Однако то, что успел он предпринять, было чрезвычайно важно, — во многом улучшило обстановку. Лелеченко находил и отключал пострадавшее оборудование. И вдруг он наткнулся на разорвавшийся трубопровод. Понял: станции грозит новый взрыв, теперь уже на электролизной установке. На ощупь пробирался Лелеченко между искореженными конструкциями и сумел перекрыть магистральный трубопровод, подающий водород...

Рядом с ним в этот момент был электромонтер В. Лопатюк. Он и помогал перекрывать подачу водорода. Как и для Лелеченко, для Лопатюка работа в темноте, посреди разрушений, подле электролизной установки, стала последней в жизни.

Пожарные давили огонь, боролись с видимой опасностью, но они, конечно, не могли знать всех тонкостей технологии на атомной. Они только предполагали, что многое из оборудования — перегретого, обугленного — само по себе грозило непредсказуемым. Одну из таких опасностей ликвидировал энергетик А. Баранов. Он сумел перевести турбогенераторы третьего и четвертого энергоблоков с водорода на азот. Эхо взрыва и огонь пожара в машинном зале не стали реальностью.

Машинисты К. Перчук и В. Бражник также действовали

решительно. Радиация пронизала их тела тогда, когда они пытались отсечь насосы с перебитой трубой и перекрывали маслопровод...

Во время самого первого взрыва А. Кургуз увидел в центральном зале завесу пыли и понял: случилось ЧП! Горячий пар из перебитых труб рвался в зал. Кургуз сквозь кипяток пробрался и закрыл тяжелую герметическую дверь — спас коллег от тепловых ожогов и радиационного поражения. Но и это не все — он в кромешной темноте помог людям спуститься с верхних этажей и только потом, внизу упал, потеряв сознание.

После взрыва работники реакторного цеха собрались у щита управления. Не хватало здесь только В. Ходемчука. Его искали ночью. Искали, когда рассвело. Напрасно искали и дни спустя, но так и не нашли. Он погиб, видимо заваленный обломками перекрытий в самом страшном месте — в непосредственной близости от разрушенного реактора...

...Белая палата. Капельница. Ночные сестры. Тонкий, острый, приносящий облегчение шприц. Чужая, спешащая по трубке кровь, которая станет твоей. А твоя — уже не твоя, ее врачи меняют все чаще... Впрочем, так представлялось мне. А что на самом деле чувствовали молодые парни из Чернобыля и Припяти, сказать не берусь: не решился их об этом расспрашивать.

Держу в руках другой документ, обозначенный прямо-таки канцелярским названием «объяснительная записка». Ее автор, вообще-то говоря, тоже настоящий, невыдуманный герой. Но «объясняет» он не смелость своего поступка, нет. Он рассказывает о том, как действовали его друзья. Рядовой Андрей Половинкин к концу «объяснительной» устал. Это заметно — строчки побежали криво.

«...На место аварии мы прибыли через три минуты. Стали разворачивать машину и готовиться к тушению... На крышу энергоблока поднимался два раза, чтобы передать приказ начальника части, как там действовать. Лично я хочу отметить смелость лейтенанта Правика, который знал, что получит сильное радиационное поражение, и все равно пошел в пекло и разведвал все до мелочей. Также могу отметить Ивана Шаврея, Леонида Шаврея, Александра Петровского, Булаву... Кто отличился еще — я не знаю, так как борьба с огнем еще продолжалась, а меня увезли в больницу».

Пожарные отлично знали, на что идут, знали, какой объект отбивали от огня. И если бы не их точная и самоотверженная работа, как знать, можно ли было бы ограничить радиус особой зоны тридцатью километрами.

Вновь записки пожарных.

Кратко пишет о том, что сделал, сержант Александр Петровский:

«...Мне и Ивану Шаврею было приказано подняться по наружным лестницам для ликвидации пожара на крыше.

Там мы были минут 15—20. Тушили огонь. Потом спустились вниз: больше там находиться было невозможно. После этого нас забрала «скорая помощь». Вот и все».

Так просто?!

«...При такой обстановке,— пишет командир отделения Иван Бургименко,— никто не позволил себе никакого ослабления. А, наоборот, показали свою сплоченность и организованность, умение принять самостоятельное и даже рискованное, но единственное в данной ситуации решение. Хотя каждый знал и понимал, на что идет. Все, что зависело от нас, мы выполнили честно».

То же самое про себя — работу выполнили до конца и честно — могли написать и шесть других людей. Но они этого сделать не успели. Погибли от огня, от пронизавшей тело радиации — сержант Николай Ващук, старший сержант Василий Игнатенко, лейтенант Виктор Кибенок, лейтенант Владимир Правик, старший сержант Николай Тищенко, сержант Владимир Тищура.

Белая палата. Капельница. Ночные сестры... Да, почти все из первой шеренги после той ночи попали на больничную койку.

Когда был на станции, состояние одних не вызывало опасений, про других врачи — специалисты, видевшие всякое,— говорили, отводя глаза. Но все то, чем располагала современная медицина, что могли дать доноры — костный мозг, кровь,— было использовано для спасения жизни ребят. И печальный список погибших пожарных, к счастью, не увеличился. Их осталось шесть.

Шесть жизней, положенных в одну ночь, хоть и умерли четверо из них позже, в больнице.

Они выполнили свой долг до конца. Заслонили собой не только близких своих, но и дальних. Всех нас. Низкий им поклон.

...В зеленой бронированной машине, в лобовой ее части, над смотровыми окнами медленно поднялась бронева защита. Я еду к станции. Стала видна дорога. Короткая дорога от административного корпуса к четвертому реактору — аварийному реактору Чернобыльской атомной.

Бронетранспортер покачивает на колдобинах. Первые десятки метров фон радиации невысок. Но дальше — опасность. А ведь здесь, по этой земле, по местам еще более страшным, которые скрывает стена четвертого блока АЭС, в трагическую ночь ходили люди. Пешком. Они тащили тяжелые рукава, подключали их к гидрантам, подавали воду на пылающую крышу, производили детальную разведку — узнавали, можно ли вообще сунуться в помещение? Взирались по лестницам... И шли, шли, шли вперед. Сединой целью, с единой мыслью — быстрее задушить огонь.

А совсем рядом, в двух шагах от нас, взрывом разорванный взрывом бетон, сонная смертоносная радиоактивность

Славутичская ДЭС
-1520-м
17

поврежденный реактор атомной электростанции. Чудовищная температура плавил графит, сыпались обломки защиты, ядерное топливо излучало невидимую смерть.

Несколько часов провели пожарные на четвертом энергоблоке. Сколь тяжела и страшна была эта работа, можно судить хотя бы по тому, что всю землю перед станцией нынче срыли. Срыли, чтобы захоронить глубоко и навечно: так она опасна сама по себе. Настолько сильно проникла ее радиация. Жизнью и здоровьем оплачены короткие часы невероятно тяжелой работы в том месте, где и через месяцы находиться можно будет считанные минуты. Я видел, как при ликвидации последствий аварии в особо зараженные места посылались люди с превеликими осторожностями и срок их пребывания там ограничивался минутами. И это тоже в газетах и по радио, на экране телевизора называлось подвигом. По праву.

Какой же подвиг тогда совершили пожарные?

Сомнений в их подвиге у нас сегодня нет. Но иные вопросы и недоумения остались. Даже по прошествии этих лет. И как бы подробно и обстоятельно ни говорилось о причинах произошедшей в апреле трагедии, главная боль не отпускает — как можно было допустить такое, как это стало возможным?

Одна из причин аварии — и пусть это не покажется странным — психологическая. Те, кто бывал на атомных станциях, знают, как сильно отличается обстановка на них от, скажем, заводской, с неутомимым конвейером. У атомного реактора — тишина. Следи лишь внимательно за показаниями приборов. «Убаюкивает» сама атмосфера. Психологической расслабленности способствует и многолетняя «без приключений» работа реактора. Несобранность, недисциплинированность персонала — вопрос важный на любой атомной станции.

Да, подготовка специалистов для АЭС требует особого внимания и ответственности. Теперь, после случившегося, предусмотрено увеличить сеть тренажеров, уделять при обучении будущих работников АЭС особое внимание выработке у них умения и готовности принимать решения в экстремальных ситуациях, когда на размышления остаются считанные минуты. Не только оборудование, но и психологическая готовность обслуживающих АЭС должны быть в высшей степени надежными.

Здесь, на четвертом блоке, как мы теперь знаем, работниками АЭС был допущен целый ряд грубых нарушений правил эксплуатации.

Блок, на котором произошел взрыв, был введен в строй в декабре 1983 года. Работал он все это время, как и другие, весьма удовлетворительно. Очень может быть, что бесперебойная работа станции и привела к некоторой самоуспокоенности и благодушию. Что, в свою очередь, могло явиться

косвенной причиной безответственности и недисциплинированности, приведшей к таким трагическим последствиям.

Суть произошедшего: четвертый блок должен был, как запланировано, после двух лет работы остановиться для ремонта. Но перед его остановкой дирекция атомной станции наметила провести испытания одного из турбогенераторов. А качество программы испытаний оказалось, увы, низким. В этой программе не были предусмотрены необходимые меры безопасности.

За несколько часов, а точнее, 25 апреля в 14 часов была отключена система аварийного охлаждения реактора, и те, кто должен был заниматься экспериментами, уже хотели было приступить к испытаниям, но по требованию диспетчера Киевэнерго вывод четвертого блока из работы был задержан. Блок, к сожалению, продолжал работать до последней секунды, то есть до 1 часа 23 минут ночи, с отключенной системой аварийного охлаждения.

...Программа испытаний, что уже не лезет ни в какие ворота, не была согласована ни с представителями главного конструктора реактора, ни с главным проектировщиком станции, ни с научным руководством по ядерной безопасности, постоянно находившимся на станции. А потому многие специалисты — те, кто вроде бы мог по своей квалификации или специфике работы ответить, что же произошло, — в первые дни и часы ничего толком объяснить не могли. Ведь у них не было фактов. А догадываться о безобразиях — такое попросту и в голове не укладывается...

Есть такой специальный термин, применяемый в современной технике, — «защита от дурака». Смысл этого не слишком парламентарного выражения: создать такую систему, которая сама ограждала бы себя от неправильного обращения.

До недавнего времени казалось, что на АЭС многократные блокировки, суперсовременная техника и технология оградят от любых случайностей. И все-таки выяснилось, что создателям черновильского реактора не удалось предусмотреть эту самую «защиту от дурака». Что чрезмерно длинная цепочка упорных нарушений правил при эксплуатации четвертого блока, о которой я рассказывал, закончилась неожиданно для его создателей и для тех, кто там экспериментировал.

Закончилась взрывом.

Не слишком ли велика плата за прогресс энергетики — опасность аварий на станциях, гибель людей, заражение окружающей среды?

Не станем спешить с окончательными выводами. Хотя, казалось бы, чего проще — не строить станции на таком коварном топливе. Но тогда не логично ли отказаться, ска-

жем, от химического производства? Ведь в 1947 году в США, в Техас-сити, произошел взрыв нитрата аммония. Погибло 576, ранено 2000 человек.

В 1979 году в Канаде, недалеко от Торонто, произошло крушение поезда с жидким топливом, нефтехимическими продуктами и хлором. Из пораженной ядами зоны было эвакуировано 250 тысяч человек! Но даже такая страшная катастрофа не остановила движение поездов по железным дорогам.

А море — так ли оно привычно и безопасно? А космос? Да что говорить, слишком много джиннов пришлось бы за-
талкивать в бутылки обратно, если бы мы стали следовать логике — опасно, значит, не дразнить судьбу.

И те аварии, о которых я упомянул, и те, что подскажет читателю его память, заставляя ученых сегодня прийти к самому, пожалуй, серьезному выводу.

Основная причина подобных катастроф — дефекты во взаимодействии человека с техникой. А чем сложнее и мощней техника, тем дороже обходятся людям эти дефекты.

Если техника — просто автомобиль, а человек — просто нетрезвый водитель, трагедия коснется в большинстве случаев одной или двух семей. В атомной энергетике техника стократ сложнее. Потому тут небрежность и легкомыслие оборачиваются горем тысяч и тысяч.

При этом как бы многократно ни проигрывались варианты возможных неполадок, как бы многоступенчато ни блокировались все возможные и невозможные сценарии нарушений технологии, как бы суперсовременна ни была техника, уповать на то, что машина сама по себе защитит и спасет, — наивно. Единственная надежная защита от дурака — человек.

И это единственный закон безопасности не только работы АЭС. Это закон безопасности каждой отдельной человеческой жизни, жизни целых народов, государств и континентов.

После Чернобыля мы с обостренным вниманием вчитывались, вслушивались в каждое сообщение об авариях. Они происходили, увы, и на море, и на суше, и в небе. А потому не приходится удивляться, что в умах наших как бы сама собой «ввязалась» цепочка страшных происшествий.

Трагическое столкновение пассажирского теплохода «Адмирал Нахимов» с сухогрузом близ Новороссийска...

Лоб в лоб ударившиеся пассажирские поезда в Кировоградской области...

Рухнувший при испытаниях мост через Даугаву...

Серия железнодорожных катастроф: Користовка, Ярославль, взрыв в Арзамасе...

Трагические эти события, повлекшие гибель многих, имеют между собой нечто общее. В широком смысле причина тут одна — безответственность. Безответственность,

парализовавшая волю, совесть, профессиональные навыки. Многолетняя привычка к показухе и барабанному треску, к цифрам, к красивой отчетности, за которой прятались маленькие трещины. Эти, незаметные до поры, изъяны не могли не разрастись и не обнажиться. Катастрофы, повлекшие за собой гибель людей, — наиболее болезненные для всех нас проявления этих изъянов.

И то, что мы говорим сегодня об этом прямо, во весь голос, то, что пытаемся в каждом случае дойти до корней, до сути происшедшего, сделать так, чтобы ничто не могло увести в сторону от ответственности виновных в трагедии, — это тоже урок Чернобыля.

Но при всей видимой, а скорее, логически прослеживаемой связи чернобыльской драмы с иными трагическими событиями авария на АЭС все же стоит особняком. Она как бы предупреждение из дня завтрашнего. Человек, вооружая себя суперсовременной техникой, будь сам на ее уровне! Чудовищные по своей силе и необратимости последствий «возможности» атомной энергетики несовместимы с мышлением на уровне паровой машины. И речь идет не только о технических знаниях специалистов, эксплуатирующих конкретный энергоблок, отвечающих за конкретную работу. Весь механизм наших взаимоотношений — экономических, человеческих — требует обновления. Ибо трудно даже представить, как далеко могут завести сегодня последствия бездумных действий или бездействия любого человека, казалось бы, даже далекого от Чернобыля. В единый клубок переплел век, сложнейшая экономика, наши дела и судьбы. И ошибка безвестного бухгалтера или сварщика, диспетчера или стрелочника, вчера еще такая «локальная», нынче может быть названа поистине роковой.

СТО ТЫСЯЧ ЛЮДЕЙ, ПОКИНУВШИХ СВОИ ДОМА

Ближним эхом взрывов на четвертом блоке АЭС стала эвакуация населения. Я прибыл в зону, когда она странным пятном расплзалась и ограничена была наконец 30 километрами.

Эвакуация...

По каким же путям, каким дорогам двинулись люди прочь от беды? Что за землю оставляли они?

Человек неотделим от истории земли, на которой жили его предки. Это — аксиома. И мне кажется уместным вспомнить сейчас об истории здешинего края. И — не только в целях познавательных. Дело в том, что много разноречивого, просто дикого, вскоре закрубилось даже вокруг самого слова «Чернобыль».

Парадокс: мистика не отступила сегодня под напором всеобщего среднего образования. Иногда даже расцветает под сенью модной нынче наукообразности, корнями, впрочем, как и прежде, уходя все туда же — в серость.

Итак, чуть-чуть истории.

...Большое село Чернобыль упоминается в летописях впервые в конце двенадцатого века. Но поселения в этом месте существовали много раньше — неподалеку найдено множество курганов, в них — железное оружие. В начале нашего века около села был обнаружен клад — серебряные римские монеты времен Антонинов...

В разное время здешний край принадлежал то Польше, то Украине. Жители Чернобыля занимались судоходством, рыболовством, огородничали. Одного только лука вывозили на продажу горы. Торговали лесом, смолой, табаком, рыбой. Были в селе кожевенные, кирпичные заводы, две церковно-приходские школы, мельницы. Жителей в начале века было даже чуть больше, чем теперь, — почти четырнадцать с половиной тысяч.

Богата была и религиозная история села: две церкви, костел, доминиканский монастырь, просуществовавший до 1832 года. Во второй половине восемнадцатого века в селе обосновались старообрядцы. Позднее их секта стала именовать себя «чернобыльской». Глава ее, Илларион Петров, носил странное прозвище «Коровьи ножки» и отличался чрезвычайным фанатизмом. Секта проповедовала скорое возвращение антихриста и конец света. У властей были причины мешать деятельности питомцев Иллариона — секта не молилась за царя, не признавала паспортов, запрещала давать присягу и служить действительную. Короче, вела себя вызывающе.

Поэтому, вероятно, сектанты не заставляли себя долго упрашивать и в конце восемнадцатого века переселились в Австрию, куда были приглашены самим императором Иосифом II, который к тому же на двадцать лет освободил старообрядцев от налогов. В высшей степени любезное предложение австрийского императора было связано с неизвестной, но, вероятно, важной услугой, которую чернобыльской секте довелось оказать одному знатному австрийскому вельможе. Впоследствии чернобыльцы смешались с другими выходцами из России и Польши и история их затерялась среди прочих событий бурного девятнадцатого века.

Если кто-то увидел символическую связь между зловещими проповедями Иллариона «Коровьи ножки» и атомной энергетикой XX века — вольному воля. Мне же кажется, что символично тут не столько толкование вариантов конца света и антихристовых печатей, сколько вот что. Цветущий городок Чернобыль — крохотный пятачок на хоженной вдоль и поперек европейской земле. История народов и языков, на этой земле живших, тесно и многообразно пере-

плетена. И любой клочок Европы, любая речка или деревушка дали бы нам пищу для подобных ассоциаций. Возможно, и куда более интересных.

Так вот, символ тут может быть только один — как в истории Чернобыля причудливо переплелись жизни украинцев и поляков, русских и австрийцев, венценосных особ и простых крестьян, православных и католиков, так и сегодняшняя история в Чернобыле касается всех. Это еще раз говорит о том, что Европа — дом, слишком тесный для ссор и скандалов. Хотя замечательно уютный и обжитой для нормальной, мирной жизни.

Для нашего слуха слово Чернобыль богато смыслами и значениями. «Черный» и «быль» — два корня, его составляющих, как бы сами заставляли искать ассоциаций и созвучий. При этом слово «быль» звучит так похоже на «боль», что и в газетных заголовках, и в разговорах людей название украинского городка подчас приобретало символическое значение.

Скоро выяснилось, однако, что слово «быль», хоть и связанное историческими корнями со значением «быть», «существовать», в данном случае имеет отношение скорее к ботанике.

Былка — былинка — травинка. А черная былка, «чернобыль» — одно из названий полыни.

Законы распространения людской молвы таинственны и стремительны. Хотя мало в каком доме у нас есть Библия, строки об упавшей с неба звезде полыни и третьей части вод, ставших горькими из откровения святого Иоанна Богослова, стали известны почти всем.

Волна слухов и мистических интерпретаций как нахлынула, так и исчезла, забылась. Но надолго останутся в людской памяти дни, когда пришлось покинуть родной дом, обжитую землю. Когда вновь зазвучало тревожное слово — эвакуация.

...Грустное это зрелище: безлюдные села Чернобыльского района, пустая Припять, по улицам которой лишь изредка проезжают патрульные машины с усиленной радиационной защитой, животноводческие фермы с наглухо закрытыми воротами...

А вдоль дорог, ведущих в Чернобыль — съезжать с них категорически запрещено из-за опасности, которую таит в себе обычная пыль, ставшая радиоактивной, — притихшие поля, леса.

Здесь, где прежде и в будни было немало грибников, а по выходным дням, пожалуй, даже тесновато: как говорят, «весь Киев» стремился сюда на субботу и воскресенье.

Авария вынудила переселиться, как я уже писал, сто с лишним тысяч человек. Эвакуировались быстро, но спокойно. Отчасти это спокойствие объяснялось надеждой, почти уверенностью, что покидают свои дома на два-три дня, ну, может быть, на неделю. Прошло время. Уже давно из данных

наблюдений стало ясно, что в некоторых районах тридцатикилометровой зоны, объявленной потенциально опасной для здоровья населения, уровень радиации существенно не поднимался даже в самые неблагоприятные дни. В другие районы возвращаться нельзя даже теперь.

В каждое село, которое заранее оповещали, приходили автобусы. Люди, захватив скерб, усаживались. Маршруты для этих автобусов также заранее были определены.

Сейчас чернобыльцы (так одним словом принято называть всех эвакуированных, из какой бы деревни или поселка они ни уехали) живут в основном в четырех других районах Киевской области. У всех есть крыша над головой, выданы безвозмездные денежные пособия, устроены на работу (согласно специальному положению, минимальный их заработок равен среднему прежнему).

В памяти встают по-весеннему пронзительные солнечные дни начала мая. Дороги, по которым спешат прочь из Чернобыля автобусы с людьми... Грузовые машины, в кузовах которых мычат коровы, блеют овцы... Другой скот, идущий по обочинам дорог... Внешняя спешка не рождала ощущения хаоса, хотя, конечно, проблем вокруг перемещения такого количества людей было немало.

Ведь не только перевезти лишь бы куда, нет. Подготовить жилье, медосмотры, продукты, бани, питание маленьким детям... Тысячи, сотни тысяч забот! Всех и не перечислить.

Вспоминает первый секретарь Киевского обкома Компартии Украины Г. Ревенко:

«Сначала было принято решение об эвакуации зоны в 15 километров. Но, как только специалисты все обследовали и точно определили уровень радиации по каждому поселку, полю, деревне, лесам, зону пришлось расширить до 30 километров. Оттуда мы вывезли всех людей. Зону расширили из-за оправданной в данном случае подстраховки. Мы отлично понимаем, что речь в конечном итоге идет о здоровье наших людей. И тут двух мнений, как поступать, быть не должно. Лучше перестраховаться».

...Я еду по местам, куда спешат эвакуированные. Неожиданное препятствие: сотрудник милиции поднял жезл, и моя машина затормозила. В чем дело? Пункт проверки на шоссе, ведущем в Киев. В колонне рядом с нами стояли грузовики, рефрижераторы, «Волги»... Понятно: гигантский город пропускает через себя немалый поток транспорта. Сюда везут и продукты, и промышленные товары, и все необходимое для сотен заводов и фабрик. Эхо чернобыльской аварии не должно помешать привычному рабочему ритму жизни столицы Украины. Стало быть, весь транспорт необходимо проверить — не несет ли он на своих колесах радиоактивную «грязь».

Вот подходит моя очередь. Медленно подъезжаю к специалистам, проводящим дозиметрическую проверку автомобилей и пассажиров. Вылезаю. Колеса, кузов «Лады» — в норме. Показания приборов говорят о том, что радиационной «грязи» нет. Однако и нас осматривают. Прежде всего обувь. Это правильно — мало ли по каким местам бродил корреспондент, собирая материал. Спрашиваю у милиционера о его работе. Тот улыбается: «Вынужден разочаровать: у меня на участке сенсаций нет. Весь транспорт, прибывающий в Киев, практически чистый. Но это не значит, что дело можно бросить. Ситуация призывает к особой бдительности».

Но, стоя в очереди автомобилей, подглядел я и иную сложность в работе милиционера. Он — тактичен. А возможности повысить голос, раскомандоваться — достаточно. Ведь спецнапсис окончить рейс шоферы зачастую нервничают. А тут — задержка. Но и те и другие, понимая ситуацию, стараются сдерживать эмоции. Через несколько дней такая проверка на дороге станет привычной, исчезнет и вопрос, который пока еще задают многие водители: «Я ведь даже рядом с атомной станцией не проезжал. Зачем меня проверять?»

Строгость милиции в данном случае оказалась оправданной.

Итак, я в Макаровском районе. Здесь идет напряженная — с двойной нагрузкой — жизнь. Сюда тоже прибыли эвакуированные.

«Можете представить всю сложность положения хотя бы по тому факту, что наш хлебозавод увеличил теперь выпуск вдвое — выпекаем по 24 тонны хлеба в сутки», — сказал мне председатель райисполкома И. Кожуховский.

Эвакуированным в первые майские дни выдана безвозмездная денежная помощь — 370 тысяч рублей. Эти деньги предоставили профсоюзы. Две тысячи комплектов одежды, 1500 швейных и 4000 шерстяных изделий — только одна из партий, выдаваемых бесплатно нуждающимся. Почему понадобилась одежда? Почти все думали, что вернутся очень и очень скоро. Увы...

Еще немного цифр, которые характеризуют и обстановку, и то, как в этой обстановке действовали различные министерства. Эвакуированным были предоставлены также практически сразу товары в кредит без первого денежного взноса. Помогли и с постельными принадлежностями — их сразу было выдано 16 400 комплектов. У некоторых появилась нужда в мебели — предоставили и мебель: 3800 кроватей и раскладушек, 3500 матрацев, на 62 тысячи рублей посуды, 300 газовых плит с баллонами... Условия, в которых они оказались, потребовали соблюдения особой чистоты. Для этого переселенцам было выдано восемь с половиной тонн моющих средств.

Но вернемся в Макаровский район.

В тот день, когда я здесь оказался, проходило размеще-

ние очередной группы людей, вывезенных из зоны. Расселяли их так: на один двор — два подселенных.

Я с удивлением разглядывал бланки, отпечатанные специально на этот случай. В этих листах, которые заполняют прибывшие, надо указать возраст, пол, откуда приехали, специальность, количество детей... С какой целью такая «бухгалтерия»? Это, как оказалось, необходимо в условиях срочной эвакуации. Для чего? Чтобы избежать трудностей с трудоустройством, с размещением и питанием детей, наконец, для того, чтобы родственники из других городов могли отыскать эвакуированных.

Иногда возникали проблемы, во всяком случае для меня — горожанина — необычные. Скажем, скот. Его в Макаровский район привезли 17 446 голов — коров, овец, свиней. Разместили в девяти здешних колхозах. Скотину же не только доить — и кормить приходится. А рассчитывали местные хозяева только на корм для собственных животных. Но резать на мясо практически нигде не стали. Было трудно, но рассортировывали, привезли из других мест корм, построили или переоборудовали фермы...

Население Иванковского района, куда были эвакуированы жители города Припяти, увеличилось вдвое. Всех приезжавших осмотрели врачи.

Хозяева помогали эвакуированным устроить жизнь на новом месте. Местные Советы наладили снабжение продуктами, организовали работу столовых, магазинов. Выдали двухсотрублевые пособия.

Селян на новых местах легче оказалось устроить на работу. Энергетиков из Припяти направили в командировки на другие атомные электростанции. Работников завода «Юпитер» и членов их семей приняли в Вильнюсе на заводе радиоизмерительных приборов.

Но все это гигантское перемещение людей не закончилось разом. В течение лета происходила, если так можно выразиться, своеобразная «внутренняя» миграция. Уже в новых районах «утрачалось» население. В зависимости от количества жилья, рабочих мест, свободных площадей (а их в обжитой зоне почти не было) для посевов... Словом, часть людей из 30-километровой зоны снималась с мест не один раз. В Полесском районе, например, к июню осталась лишь часть прибывших в первые дни — 2 тысячи из 23 тысяч человек. Количество переселенцев уменьшалось, правда временно, еще и из-за того, что вывозили детей на курорты. Школьников, малышей с матерями... Всех, кого можно и нужно было тогда. Их путь лежал в Крым, на юг Украины, в Краснодарский и Ставропольский края. В лучшие здравницы и дома отдыха.

Одна тема бесед в те весенние дни меня, признаюсь, удивила. Это — серьезные разговоры о том, как переселенцы будут чувствовать себя осенью. И в связи с этим — о капитальном строительстве.

Какое строительство? Миллион куда более важных на первый взгляд проблем стоял тогда. Еще всю шла эвакуация людей из 30-километровой зоны. Еще не все были, как говорится, накормлены и обогреты до конца. Главным казалось — расселить, снять напряжение нелегкого переезда. Да и сами переселенцы, уйдя из родных мест, никак не предполагали, что кого-то в эти страшные часы может занимать вопрос нового, капитального жилья.

Но в Киеве уже считали тонны цемента, миллионы штук кирпича, кубометры леса для новых поселков. А из областей Украины, тех, которых впрямую беда не коснулась, собирались в дорогу строители. Многие из них сами просились на такую работу.

Вскоре почти 50 тысяч строителей приступили к возведению десятков новых поселков для эвакуированных. Срок сдачи жилья, больниц, детских учреждений, магазинов и школ был определен: 1 сентября.

Да, без паники прошла эвакуация. Но это не значит — легко, не задевая души людей. Оставляли-то родные, обжитые места, где дорог каждый камень, где каждое дерево памятно с детства.

Вот каким наблюдением поделился с нами один из районных руководителей. Не выходила у него из головы (даже в такой суматохе) эта история. Суть ее кратко такова.

Переселенцы привезли с собой, как вы знаете, и скот — не только колхозный, свой, личный. На первых порах его кое-как разместили. И вот как-то утром увидел он — работник райисполкома — пожилую женщину с подойником. Растерянную, заплаканную. В чем дело? Пришла подоить буренку — не пускают. Корова вроде уже и не своя — колхозная. И вот объясняет ей предрайисполкома: «Мать, тебе государство деньги за корову выплатит. А забрали животное потому, что ты ведь и так с семьей не дома живешь. Где ж тут стойлом кормами корову обеспечишь? Так и себя, и скотину замучаешь...»

Та — ни в какую. Привыкла к своей корове и иной жизни — будь тут хоть реактор рядом — знать не желает.

Выходит (и это правильно), авария — аварией, а привычки и уклад — своим чередом. И мешать это, по возможности, не стоит.

В этой круговерти переселения происходило и другое — люди, случалось, теряли из виду родных, близких. Болью, бессонницей, тяжелым стрессовым ударом легла эвакуация на людей.

Жизнь и заботы на новом месте не были «сладким пирогом». Это понятно. Но та же жизнь, будни, а главное, люди, которые так по-доброму встретили переселенцев, помогли им быстрее справиться с трудностями и обжиться.

Не обошлось, конечно, в этом многотрудном деле без

человеческой нечистоплотности, желания нагреть руки на чужой беде, корысти. Была и несправедливость, были и обиды. Но главным все же, и мне пришлось быть этому свидетелем, стало объединившее многих в те тревожные дни чувство человеческого братства, желание помочь ближнему всем, что в твоих силах.

И чувство этого братства было велико. Оно, образно говоря, не имело каких-то четко очерченных географических границ. Далеко от Киевской области, от тех мест, где еще только наспех устраивали свои дела вынужденные новоселы, откликались их заботы и проблемы. Это, наверное, самое высокое человеческое качество — способность сострадать. В «Известия», в ответ на репортажи из Чернобыля, хлынул поток писем. И стало ясно: тысячи, десятки тысяч людей ставят себя рядом с теми, кого застигла беда. Чем могут, готовы помочь чернобыльцам. Мгновенно, сразу. Ну, хоть сейчас.

Вот письмо шофера из Сум Виталия Михайловича Сидоренко. От себя, от всей своей семьи пишет он:

«...Как видно, трудновато в такой ситуации детям эвакуированных. Мы дома посоветовались и решили — пусть бы родители направили к нам своих детей. К моей маме в село Зеленое Белопольского района. Село небольшое, но хорошее. Дорога — асфальт. Всего один километр от трассы, легко добираться. Луг, ставок, будет им где купаться и загорать, рыба хорошо ловится. Хлеб, яйца — все свежее, хорошее... Пусть приезжают. Будем сердечно рады. И к деду (это тесть мой) их свозим, в Курскую область, поселок Коренево. Дедушка на пенсии, будем их водить в лес. Сколько там земляники, грибов, орехов, какая красота».

Это одно из тысяч посланий, почтой и телеграфом приносимых в нашу редакцию, в редакции других газет, в партийные и советские органы Киева и области.

А еще в этом потоке шли пожелания открыть в госбанке специальный счет. Чтобы, как написала учительница, ветеран Великой Отечественной войны Т. Мороз, «мы могли оказать быструю и посильную помощь в восстановлении нормального хода жизни». От сердца сказано. И эти, от сердца, пожелания и открыли в Государственном банке СССР особый счет. И получил он свой номер — 904.

Эти три цифры моментально стали известны всей стране. Финансисты, как и положено им, педантичны. И когда на счет № 904 в Госбанк СССР ежедневно стали поступать по тысяче и более платежных поручений, каждый документ по порядку подшивался в специальных книгах. Но и здесь, в банке, понимают: это документы не только отчетности, но и истории. На корешке каждого перевода — необходимые для регистрации лаконичные надписи: кто? откуда? сколько? Приходят в банки и письма, и протоколы общих собраний, и поименные списки живущих в доме, где каждый внес деньги в фонд Чернобыля.

Позже я рассматривал документы, столь непривычные для строгого старинного здания на Неглинной площади. Здесь, в Госбанке СССР, где обычно оперируют миллионными цифрами, вскоре и эти, необычные послания, подсчитанные с педантичной точностью, «обросли» многими нулями. 500 миллионов рублей (и это не итоговая цифра) значилось здесь в ноябре 1986 года. А были еще переводы в левах и злотых, донгах и долларах, фунтах и лирах...

Эхо чернобыльской беды для многих людей планеты отозвалось, словно личное горе.

Государство спешило на помощь эвакуированным. Забегая вперед, скажу, что летом на строительство домов усадебного типа было выделено 300 миллионов рублей. Только на Украине было построено больше 50 сел для переселенцев. Для работников атомной станции и жителей Припяти Киев предоставил семь с половиной тысяч квартир, пятьсот — Чернигов. И как временное жилье — десять тысяч мест в общежитиях. Кроме того, в Киевской области, в тех местах, куда не пришла беда, у местного населения было выкуплено и безвозмездно передано эвакуированным шесть тысяч домов...

Пожалуй, каждый из нас участник огромного дела по оказанию помощи людям, вынужденным покинуть родные места. Вспомним: ведь все мы как минимум день отработали безвозмездно. А деньги за наш труд в этот день были переведены в фонд помощи пострадавшим.

Прошло время, и поток писем с желанием помочь чернобыльцам в редакции, естественно, иссяк. Почему естественно? Это не оттого, что люди загорелись сердобольностью на час. Совсем нет. Пришел в действие механизм государственной, централизованной помощи людям, которых беда выгнала из родного дома.

Но вдруг посреди занятого обычной журналистской текучкой рабочего дня у меня в кабинете раздался неожиданный звонок. Звонили с восьмого этажа редакции — там расположен отдел писем.

«Пришел странный пакет. И записка. Взгляните...»

Взглянул. И оторопел... В здоровенном, сделанном из плотной бумаги, куле лежали — каждый отдельно — аккуратно упакованные в пластик, переложенные мхом, двадцать два маленьких пакета. В каждом из которых был корень женьшеня. Да ведь такая посылка — целое состояние!

Из записки явствовало, что направил все это богатство в редакцию «Известий» из Омска Борис Карпович Пушкин. Он бы рад был еще летом снести на почту свои драгоценности, да к тому моменту «не поспел» женьшень. А Борису Карповичу очень надо было, чтобы великое это лекарство достигло полной силы. Ибо посылал он вместе со своими друзьями — такими же сибирскими садоводами-любителями — корень в «Известия», чтобы мы его передали в больницу. В какую? В ту, где лечатся пострадавшие от радиации.

Вырастили люди такое добро на маленьких участках возле дач. У них нет плантаций. Для себя и самых близких сажали корень жизни. И вот самыми близкими посчитали черныбыльских больных.

Когда я рассказал об этом Ангелине Константиновне Гуськовой, профессору, мимо которой не прошел ни один тяжелый черныбыльский больной, эта профессионально сдержанная женщина даже несколько растерялась. Она была тронута. «Конечно, конечно, мы найдем корню применение. Есть у нас в клинике и такие специалисты».

Помолчала, а потом добавила: «Обязательно используем. Спасибо».

Я уже знал, что в эту клинику, услышав о ее специализации, шли летом самые разные лекарства со всех концов света. Знал также о том, что всех Гуськова благодарила, но и всем почти отказывала. Была острейшая ситуация, и лечить больных можно было только досконально изученными и проверенными средствами. Так что ее сегодняшние слова стоили многого.

...Но, впрочем, я действительно поспешил, все это будет потом. А пока еще кипели переселенческие волнения у кольца тридцатикилометровой зоны, еще только шли эшелоны с грузами, адрес которых — Чернобыль.

ПРОНЗИТЕЛЬНЫЙ МАЙ

Пожалуй, впервые так остро ощутил я тогда в мае надобность своей профессии.

Шумный и, как это ни стандартно звучит, действительно прекрасный Киев разглядывать долго не приходилось. 130-километровые (это только в одну сторону) поездки в Чернобыль с ночными возвращениями в гостиницу съедали время. Ночью приходилось суммировать увиденное за день, по возможности облекать это в стройные фразы, а утром вызывала редакция и я диктовал очередной репортаж.

Так день за днем, ночь за ночью.

Теперь о цене профессии журналиста.

Эта гордость была рождена не сумасшедшим ритмом майских дней, нет. Привычка диктовать в номер вполне естественна для репортера. Но жажда информации, которая ощущалась здесь, в Киеве, да и, наверное, везде — черныбыльское эхо без преувеличения всколыхнуло страну, — была огромной. Уже через день после приезда, толкая стеклянную дверь гостиницы, я знал, о чем меня спросят. Девушки-администраторы, знавшие поименно группу журналистов, встречали одними и теми же фразами:

«Ну, как там в Чернобыле? Каков радиационный фон?»

И... бойко пересказывали мне содержание моей же собственной статьи, которую я еще не видел (уехал утром, когда газета еще не поступила в продажу), а они уже успели

прочесть. Они, многие другие требовали: подробности, подробности, подробности!

Это была абсолютно искренняя заинтересованность, так же как вполне искренне многие интересовались здоровьем корреспондента. Мой внешний вид, видимо, их успокаивал, и, деля в уме сильно тогда преувеличенные в городе опасности, они «примеряли» радиацию на себя. Раз уж я езжу «в самое некло» — по их, понятно, представлениям, — то им, их семьям, детям, родственникам, знакомым, знакомым знакомых, особенно страшная оттого, что невидима и неосязаема, радиация напрямую не грозит...

Но с другой стороны, со стороны улицы — оттуда, где расположены кассы Аэрофлота, с железнодорожного вокзала поступала иная, паническая информация. Билетов не было, а возникшие, словно чертики из-под земли, спекулянты торговали билетами по фантастическим ценам.

Да, газеты не просто читали, их зачитывали, передавали друг другу, ссылались на них, спорили, когда попадались в статьях о Чернобыле разночтения... И жаждали новой и новой информации...

Позже, когда всю «раскрутилось» телевидение, и так-то не слишком людные, улицы к программе «Время» и к сроку передач местных информационных программ пустели напрочь.

И вместе с этим чувством причастности к интересам миллионов людей возникало обостренное чувство огромной ответственности за каждое написанное тобой слово.

Я вот сейчас думаю, почему не тянуло меня в те первые дни к описанию эффектных (в газетном смысле) мелких человеческих подлостей, которые, увы, как и во всякой большой беде, как и во всяком грандиозном событии, выползали и в Киеве, и в тридцатикилометровой зоне?

Почему, скажем, в первые дни не писал о воре, орудовавшем в опустевшей зоне, который чистил в оставленных людьми домах холодульники? Не писал о барыгах, перепродававших многодетным мамам втридорога железнодорожные билеты? О напившихся на работе (это в аварийных-то условиях!) специалистах? Наверное, потому, что хоть и были такие события неприятной частью жизни, однако ж не главной.

Неясность обстановки... Тревоги — мнимые и реальные... Нервозность... Ну, скажите, как было обвинять тех же беженцев из Киева в создании паники, когда, по большому счету, напряженность обстановки родили не в последнюю очередь мы сами, журналисты? А точнее, те, кто не давал нам реальной информации, кто, строго указывая перстом, говорил: «Совершенно ни к чему газетчикам знать, скажем, подробно о радиационном фоне».

Как в эти пронзительные дни впопыхах ругать руководство станции за случившееся, когда и компетентнейшая комиссия не одну неделю всесторонне изучала документы, прежде чем вынести вердикт — причиной всему длительная

и безобразная цепочка халатности и легкомыслия на самых разных уровнях...

Что, сегодня прозрел, стал вдруг принципиальным? Нет, так. Оценки каких-то действий, предпринимаемых в Чернобыле, мною менялись не в зависимости от какой-то конъюнктуры, отнюдь. Просто, находясь в круговерти событий, трудно было подчас правильно оценить происходящее.

Помню, например, боль, смешанную с раздражением, желание тут же что-то предпринять при виде толпы людей у входа в ответственное учреждение. Как же так: без крова дети, женщины! Потом выяснилось, что эти люди сами сорвались, уехали из дома, не дождаввшись организованной эвакуации. И вот теперь маялись. Искали, кто и как решит их судьбу? Но и их судить строго — кто вправе! Если и побежали они от невидимой, а оттого еще более страшной беды, то, значит, не нашлось специалистов, кто разъяснил бы, убедил в абсурдности такого поведения, усадил в автобусы, от правил, как это было сделано с десятками тысяч других.

И таких противоречивых картин в памяти немало. Особенно запомнилась мне старушка, сидевшая на лавочке под деревьями во дворе пятиэтажного дома. Подбородок ее был ярко желтым — бабушка пила йод.

«Что же вы делаете, мамаша», — бросился я к ней.

И она мне объяснила — лечится. Что йод очень полезный и совершенно безопасный, потому что запивает она его... кефиром.

Бабуся протянула для убедительности полупустую бутылку из-под кефира. Растолковать ей что-либо я так и не смог.

В тот же день выяснилось — в киевских клиниках больше совсем не радиационных больных, в них много людей, пострадавших от самолечения. Многие — с обожженным пищеводом.

Сколько же сил потребовалось потом и газетам, и местному телевидению для того, чтобы развеять хотя бы эту неелепость.

Да, любое умолчание в те дни оборачивалось своей изнанкой. Но и пугать, преувеличивать беду тоже было опасно. Сколь точны и взвешенны должны быть, представьте, в те трудные дни слова и действия специалистов, руководителей комиссии по ликвидации последствий аварии, всех, кто занимался эвакуацией тысяч людей! И как благодарен я тем ученым и хозяйственным, партийным руководителям, которые в труднейшей обстановке не только смотрели правде в глаза, но и не боялись говорить ее журналистам. А стало быть, всем.

Вспомнить об этом мне показалось необходимым для того, чтобы правильно оценить происходившее в первые майские дни на территории Киевской области. Чтобы не было путаницы.

Путаница, впрочем, происходила. А началась она с географии.

Поэтому прежде, чем продолжить, уточню некоторые обстоятельства.

Видимо, все дело в названии — Чернобыльская атомная электростанция. Называется АЭС именно так, хотя и расположена к юго-востоку в восемнадцати километрах (по дороге, напрямую — пятнадцать) от районного центра Чернобыль с населением в двенадцать с половиной тысяч человек, уютного украинского городка, похожего благодаря зелени садов на большое богатое село.

Рядом же со станцией расположен город Припять. Современный, выросший вместе с атомной станцией. Его — город, подвергшийся самому сильному воздействию радиации среди других населенных мест, из соображений ложной стыдливости, из того же желания «не пугать» скромно перекрестили в поселок. Так до поры и звучало в прессе: поселок АЭС. Нет, город, где живут и работают в основном те, кто обслуживает АЭС, и их семьи. Вот короткая визитная карточка этого современного города. Территория — 5,7 квадратных километров, население — 49 тысяч, общая протяженность улиц — 12 километров, сберкасс — 3, ресторанов, баров, кафе — 10, домов культуры, кинотеатров, танцплощадок — 3, общежитий — 23...

И вот к этому городу со всех концов Киевской области сразу после сообщения об аварии стали стягиваться силы. Сюда спешили те, кто должен был в первую очередь заняться борьбой с огнем и проверкой — не коснулась ли беда самого города. А если да, то что она может принести его жителям?..

Вспоминает инженер А. Захаров:

«О пожаре на 4-м энергоблоке Чернобыльской АЭС мне сообщили в 5.30 утра 26 апреля. И тут же объявили: прибыть в главк — у меня находится важная с пожарной точки зрения документация по АЭС. В 6.30 я был на месте и узнал, что командировка уже выписана, самолет с подмосковного аэродрома вылетает в 9.00. Мы имели информацию, что на станции произошел взрыв, возник пожар. Но по скудным данным трудно было себе представить действительные масштабы происшедшего. В Киеве сели в 13.00. И сразу — в машину, которая спешила к станции.

Когда я подъехал к тому месту, откуда открылся вид на главный корпус, на реакторное отделение четвертого энергоблока, мне стало ясно: обстановка — воистину чрезвычайная.

В здании Припятского горкома партии собралась комиссия по расследованию причин аварии. На первом заседании приняла решение: в течение двух-трех часов специалистам из различных министерств и ведомств разобраться во всем досконально и доложить свои предложения.

Наскоро пообедав, я вместе с группой специалистов Главного управления пожарной охраны МВД СССР выехал

на АЭС. Переодевшись в санпропускнике, мы прошли через «грязную зону» в машзал.

Там, на удивление, царил деловая обстановка. Первые три блока работали, персонал выполнял свои обязанности без суеты. Переговорив с дежурными на блоках, а затем в штабе гражданской обороны (в подвале, где размещается дирекция станции), мы воссоздали примерную картину аварии. Естественно, только со слов присутствующих: очевидцев и работавших в ту ночь не было — практически всех забрали медики...

Первым пока инженера. Люди тогда действовали на редкость самоотверженно. Но были ли их действия абсолютно верными? Нет, я не пытаюсь преуменьшить заслуг или поставить под сомнение работу по ликвидации последствий аварии. Объективно в такой обстановке без ошибок не обойтись...

А город тем временем жил своей жизнью. Лишь немногие, собрав кое-какие пожитки, выезжали или выходили из Припяти. В основном население еще не поняло до конца серьезности сложившейся обстановки. Вот факты, которые до сего часа просто в голове не укладываются. Вечером этого дня в ресторане «Полесье», который примыкает к зданию гостиницы, игралась свадьба. Молодым кричали «горько», слышалась музыка... И это 26 апреля!

...К 19.00 члены комиссии и созданного штаба стали возвращаться в горком партии, обмениваясь впечатлениями. На вечерне-ночном заседании комиссии (а оно продолжалось до четырех утра) предлагались различные варианты проведения спасательных работ, намечались различные мероприятия. Зашел разговор об эвакуации Припяти. Было решено дожидаться утра, тщательно выяснить радиационную обстановку и только тогда принять кардинальное решение.

...Из «кратера» реактора тем временем «выходил» небольшой дымок. А ночью из окна гостиницы было видно даже свечение и отблески пламени...

А. Захаров: «По предположению Минэнерго перед подразделениями пожарной охраны была поставлена задача — ликвидировать горение (скорее, свечение) подачи воды в кратер. Мы категорически возражали, так как для этого было необходимо направить людей в зону повышенной радиации. К тому же подача воды на раскаленные конструкции и элементы реактора могла вызвать самые нежелательные последствия.

Было все-таки отработано три варианта подачи воды в реактор. Однако последующая проверка с земли и с вертолетов показала: эти варианты не могут быть задействованы. Почему? Взрывом строительные конструкции были разбросаны на значительное расстояние от блока, и установить пожарную технику здесь без ликвидации завалов не представлялось возможным.

Тогда в дело вступили вертолетчики. Первые такие полеты

были проведены на вертолете Ми-8 во второй половине дня 27 апреля. Открывая боковую дверь вертолета, мы сбрасывали мешки со специальным огнетушащим порошком (а затем и с песком) вниз, производили пристрелку. Увы, мешки сыпались мимо... Тогда по нашим чертежам были изготовлены специальные контейнеры, а затем приспособлены старые тормозные парашюты. Позже с борта сбрасывалось одновременно до 3 — 4 тонн песка, борной кислоты, свинца...

Утром 27 апреля у здания горкома партии собрались люди. Все обсуждали происшедшее. Чувствовалось отсутствие четкой информации...

И вот наконец принято решение об эвакуации жителей. «Какое-то особое состояние мы все испытали, находясь в городе, население которого было эвакуировано, — говорит инженер. — Совсем недавно — оживленный, он опустел. На улицах — ни одного человека. Вечером и ночью — мертвая тишина, слепые окна, как в фантастическом фильме. И вдруг неожиданная встреча. На улице подходит ко мне гражданин с небольшим чемоданом. Вид у него — растерянный, но его вопрос: «Что тут у вас случилось?» — все мне прояснил. Оказывается, он был в командировке, добирался до Припяти попутным транспортом. Об аварии он просто не знал...»

Что же было в это время в Киеве? Как оттуда старались обеспечить безопасность населения?

В рассказе об этом без повторов не обойтись. Кроме того, люди видели события неодинаково — в силу своей причастности к делу, уровню технической грамотности, просто жизненного опыта. Но, как мне кажется, любые, пусть иногда разноречивые, точки зрения на эти дни имеют право на публикацию. Ведь только «сумма» взглядов и даст непредвзятую картину происходившего.

...Четко и самоотверженно действовали в сложной ситуации не только пожарные и вертолетчики. Многие службы. В том числе и милиция. Надо было перекрыть въезд в город всему транспорту, который не связан с ликвидацией аварии и оказанием помощи пострадавшим. Кроме того, поддерживать в городе порядок. И, наконец, необходимо было перекрыть все подъезды к АЭС для лишних на тот момент машин.

К четырем часам утра в городской отдел внутренних дел первыми для оказания помощи прибыли сотрудники милиции из соседнего Полесского района. Затем — Чернобыльского и Иванковского. Все силы были брошены на организацию контрольно-пропускных пунктов, на перекрытие дорог, в оцепление, сгруппированы для несения контрольно-постовой службы в городе, охраны важных объектов.

В особых условиях оказались сотрудники этих самых контрольно-пропускных пунктов. Здесь, вблизи места аварии, близ горящего здания, была, естественно, наибольшая опасность. Но одновременно сюда же спешили спецмашины, и поток их нужно было регулировать. Сотрудникам автоин-

спекции из Припяти в первый день пришлось нести службу по десять—двенадцать часов.

Да, потрачено немало сил. Но порядок на дорогах был наведен. К тому времени и пожар потушен.

Как только рассвело, специалисты сели в вертолеты и начали облеты станции, чтобы с близкого расстояния осмотреть четвертый блок, выяснить его состояние, определить количество и объем разрушений, произвести замеры радиации, выбрасываемой в атмосферу. Словом, если пользоваться языком военных, гражданские люди — ученые, инженеры, техники — шли в настоящую боевую разведку.

Какова была опасность для них? Безусловно — большая! Но только они могли точно ответить на все вопросы, без чего и шагу предпринять было невозможно.

И люди шли на заведомый риск для спасения других людей. Тех, кто еще ничего не подозревал в мирно спящей Припяти...

А вскоре, как вы уже знаете, вертолеты стали брать на борт не только людей, но и грузы. Началась засыпка с воздуха «кратера» четвертого блока. Вниз летела свинцовая дробь, мешки с песком и специальными порошками...

Смысл этих продолжавшихся много дней так же чрезвычайно опасных работ — попытаться «законопатить» жерло «кратера». Для чего? Чтобы сбить выбрасываемые оттуда зараженные радиацией «выхлопы». Пилоты машин для точности попадания снижались до возможного минимума. Иначе попасть в «кратер» было трудно: пожар искорежил крышу, там торчала оплавленная огнем арматура, балки перекрытий разрушились...

Да, у станции, у самого четвертого блока было тяжело работать. Фон там был очень высокий. Но, как выяснилось, — не везде. Радиация «выпала» местами, словно оспины на лице человека, перенесшего болезнь. Местами густо, а местами — пусто. Однако и это стало ясно не в первые пятнадцать минут.

Вернемся вновь в Припять. Там были предприняты первые защитные действия — врачи начали обходить население. Они обеспечили всех препаратами стабильного йода. Эта мера нужна была для профилактики против возможного поступления в организм радиоактивных изотопов йода, которые так характерны для выброса из атомного реактора. Эта мера — чрезвычайно важная. И все работы по обеспечению населения препаратами стабильного йода были закончены быстро. Увы, так не всегда случается при авариях. Советские врачи учли прошлый опыт, например, аварии на атомной станции Тримайл Айленд в США, где это же лекарство было роздано лишь в конце четвертых суток.

Как выглядело самое первое утро жителей Припяти после аварии? Вспоминает Клавдия Радуль:

«Мы встали рано, в семь. Я торопилась отправить сына

Виталика в школу, а сама спешила на рынок. Хотелось купить зелени — и для домашних, и самой надо много витаминов, ведь через месяц ждала второго ребенка. Только муж утром спал — вернулся с рыбалки.

Когда я пришла на рынок, оказалось, что он закрыт. Что-то случилось! И тут услышала: на атомной аварии. Как гром среди ясного неба...

Бросилась в школу, к сыну. Школа заперта, детей из здания не выпускали. Меня, как могли, успокоили. Сказали, что с детьми все будет в порядке. Потом уже по радио я услышала, как надо себя вести — выступали врачи. Они объяснили, что детей не стоит выпускать на улицу, да и самим лучше быть дома. Сын пришел домой после обеда, и в субботу мы уже больше нигде не выходили.

А наутро в воскресенье в дверь постучали и велели подготовиться к отъезду. Взять запас продуктов на два дня. Из дома не отлучаться — возможно, будет эвакуация.

Днем передали новое сообщение по радио. Сказали, что к двум часам дня к подъездам будут поданы автобусы. Лишних вещей попросили не брать. Конечно, все мы волновались и многого не понимали. Я больше всего беспокоилась об одном — брать или не брать пеленки. Вдруг роды в дороге? Волновалась и за Виталика — как же он без школы, без занятий? Никто не знал, надолго ли уезжаем...

Эвакуация... Знакомое по военным сводкам страшное слово. А здесь — под ясным небом...

Эвакуация требовала, с одной стороны, такта и понимания, с другой — особой скорости выполнения.

И милиция вместе с городскими властями с этим важнейшим делом справилась.

Вся Припять была разбита на пять секторов — каждый охватил один жилой микрорайон. В соответствии с секторами было укомплектовано и пять эвакуогрупп. Основная тяжесть всех трудностей эвакуационных дел легла на участковых инспекторов. От них во многом зависело, как быстро и четко пройдет сама эвакуация. Ночь и половину дня готовились списки, распределялись сотрудники в соответствии с количеством домов и подъездов (а последних — 700), проводился подсчет нужного транспорта. Автобусы делились на каждый сектор, четко получали свои маршруты.

«Эвакуация была объявлена в 14.00, — вспоминает начальник политотдела Министерства внутренних дел Украины А. Боровик. — В 13.50 — в каждом подъезде появился наш сотрудник, который обошел все квартиры и предупредил людей, дублируя переданное раньше сообщение по радио. Сборных пунктов не устраивали для того, чтобы избежать суеты и паники. И добились желаемого».

Результат говорит сам за себя: в течение менее чем трех часов практически все население города — более 40 тысяч — было эвакуировано на 1100 автобусах, которые растянулись

по шоссе на 20 километров. Этой огромной колонне была организована «зеленая улица» — движение без пробок и заторов.

Те немногие, кто не успел эвакуироваться вместе со всеми жильцами своего дома, подъезда, приходили в милицию. Их быстро доставляли на эвакуационные пункты и по мере накопления рассаживали по прибывавшим все время автобусам. Даже тех, кто в этот выходной день мог уйти с утра пораньше на рыбалку или в ближайшие леса, не забыли. Отыскали.

Как печальный анекдот рассказывали мне позже работники милиции о двух деревенских старушках, что спрятались так далеко и «прочно», что их даже после прочесывания местности обнаружить не удалось. Вышли бабушки из укрытия только 28 мая. И сразу попали в больницу. Одной 85, другой 74 года. Невыносимо трудно, конечно, в такие годы оторваться от родимого крова, покинуть обжитое место. И не упрекнешь их. Только и можно — пожелать здоровья и покоя на старости лет...

Город опустел... Но не остались брошенными дома со скarbом, магазины, учреждения, словом, ничто. Сразу же после эвакуации в дело вступила служба охраны.

Все личное имущество 49 тысяч горожан поступило под постоянную охрану. В пустом городе ездили теперь лишь спецмашины с патрулями.

А колонну с жителями города уже ждали. Места для их нового места жительства были определены. Но, к сожалению, эвакуация на этом не закончилась. Ученые определили круг выселения из опасной зоны — 30 километров.

И линия, 30-километровым кольцом окружавшая АЭС, плотно сомкнута. Внутри нее остались только те, кто занимается ликвидацией последствий аварии или работает на трех оставшихся блоках атомной станции. Была организована регистрационная служба, адресный стол для потерпевших.

Сигнал о несчастье с Чернобыльской атомной поступил в Министерство здравоохранения Украины одним из первых. Прошло лишь несколько часов, а в окружающих АЭС районах было сконцентрировано такое количество медиков, что его хватило и для профилактических осмотров людей, находившихся недалеко от станции, и для оказания помощи пострадавшим.

А пострадавшие были. Помните записки людей, тушивших огонь на четвертом блоке? Многие из них заканчивались словами: «Дальше как было дело не знаю: меня забрали медики».

Ближе всего к месту трагедии находилась специальная медицинская часть № 126.

Как опознать среди большого числа людей — взволнованных, уставших, обгоревших или просто задохнувшихся от дыма — нуждающихся в специальном лечении? Представьте, что там творилось после взрыва и пожара!..

Однако врачи сделали все, что можно, чтобы тяжелые больные по возможности без потерь перенесли долгую

транспортировку в Киев и Москву. За первые, видимо, самые трудные сутки там на месте, в районе повышенной радиации, было сделано до тысячи анализов и осмотрено столько же людей».

Из них для сверхсрочной отправки выбрали первых сто. Тремя самолетами с небольшим промежутком они были вывезены из района атомной станции. Лучшие профессора страны, специалисты с мировыми именами получили выписки из местных больниц от врачей, которые впервые в мире столкнулись с подобным. Это были точно отобранные из огромной массы людей — действительно, те, кто нуждался в лечении здесь, в Москве...

Вспоминает хирург медсанчасти № 126 Татьяна Бонадысенко:

«Бывший школьный лагерь отдыха «Сказочный» превратился за считанные часы в госпиталь. Здесь медики оказывали помощь, следили за состоянием здоровья рабочих АЭС.

Да, все мы трудились тогда не покладая рук и проделали огромную по объему работу. Найти пострадавшего, вынести на себе, доставить в приемный покой, вернуться и вновь повторить то же самое... Этим занимались водители и мои коллеги в страшную ночь и день 26 апреля. Осматривали, оказывали первую помощь, нуждающихся направляли в стационар. Паники — не было.

Время остановилось: перед глазами лишь непрерывный поток больных, нуждающихся в помощи. Все палаты терапевтического отделения стали палатами интенсивной терапии. Много сил и времени отнимала постоянная дезактивация. Штаб обеспечивал всем необходимым, организовал дозиметрический контроль, йодопрофилактику.

И вдруг удар: умер больной. Знали, что поражение несовместимо с жизнью... но... Как больно, какое чувство беспомощности... Но оставались десятки других больных, за жизнь которых надо было продолжать бороться».

Те из них, кто первым вступил в борьбу с ожогами и лучевой болезнью, в большинстве своем вскоре оказались вдали от АЭС: одни выработали свой «лимит» в зоне аварии и переведены в другие места. Остальные — сами вынуждены лечиться. Первые дни заделывали радиационным «крылом» и их, медиков из Припяти. Ни один из них, конечно, не мог тогда и предположить, что превратится из врача в пациента.

У операционной медсестры Лилии Булявичене так и осталась лежать в тумбочке ее квартиры в Припяти путевка в туристическую поездку по Средней Азии. На май...

Врач Александр Якимчук, завезший 28 апреля пациента в полесскую больницу, неожиданно для себя сам оказался госпитализированным. Но посчитал это в пылу работы ошибкой и очень просил шофера своей автомашины «скорой помощи» подождать его до утра. Думал, что утром коллеги исправят диагноз, что нет у него радиационного поражения...

Беда никогда не приходит вовремя — это так же верно, как то, что никого из них она не застала врасплох.

Вот хроника ночи, что провели врачи из медсанчасти № 126 с 25 на 26 апреля.

Валентин Белоконь — врач скорой помощи:

«Всю ночь — на колесах: вызовы, вызовы, вызовы. В начале второго заехал в медсанчасть, а диспетчер с порога: «Немедленно на станцию, там пожар! Саша Скачок (это наш фельдшер) уже выехал».

На станции были уже пожарные, я поставил три наши машины так, чтобы всем было видно, где мы находимся. До реактора — метров сто. Первыми стали отправлять пожарных. Работы было так много, что водителям Гумарову, Винокуру и Юрченко пришлось гонять по кругу: больница — станция, станция — больница. Часов в пять я почувствовал металлический привкус во рту, головную боль, тошноту... Все понял и попросил разрешения уехать. К этому моменту меня уже сменила Галина Гавойчик».

Анатолий Винокур — водитель «скорой»:

«Мы с фельдшером Скачком выехали на АЭС вместе с пожарными — по первому сигналу тревоги. Нам тут же погрузили обгоревшего человека. Позже я узнал, что это был энергетик, работник АЭС, оператор Александр Шашенок. Мы помчались. Потом я еще раз шесть ездил на станцию. Машину проверяли дозиметром. Стрелку этого прибора, указывающего уровень радиации, клонило в сторону: опасность была высокой... Но не ездить за пострадавшими было нельзя. Утром я вернулся домой. Жена испугалась, потому что одежку я снял и оставил за порогом. А днем я опять вышел на работу».

Владимир Печерица — заместитель главного врача медсанчасти № 126:

«Практически все, кто был нужен, собрались к началу третьей ночи, когда над станцией пламя еще бушевало. Мы с женой, она тоже врач, ушли тихо, чтобы не будить сыновей. Но оказалось, они в три часа проснулись и очень волновались, особенно младший...

Заведующие отделениями клиники Нуриахмедов, Бень, Мальцева решали сразу несколько задач: мыли, обрабатывали, делали первые вливания поступающим со станции, занимались перераспределением по палатам тех, кто уже лежал в нашей клинике, носили и устанавливали новые кровати, готовили растворы... А уже вечером двадцать шестого первая партия пострадавших была отправлена спецрейсом в Москву».

Лилия Булявичене — операционная медсестра:

«Меня подняли телефонным звонком. По тону я поняла, как сложна ситуация. Когда приехала, в реанимации уже лежал Саша Шашенок, но я его не узнала, хотя мы и соседи по дому...»

В эти первые сутки особенно тревожно было тем из медиков, чьи близкие работали на станции. Как и всех, медсестру Люду Шашенок подняли по тревоге — последние часы жизни мужа она была рядом с ним.

Когда началась эвакуация города, из Припяти медики уходили среди последних. Они продолжали дежурство даже после того, как уехали жители. В их медсанчасть еще продолжали поступать больные, значит, нужно было ухаживать за ними, стирать, готовить. Но по санитарным соображениям были уже закрыты кухня, котельная. Тогда из дому стали носить для всех еду, принесли чью-то стиральную машину.

К концу дня 28 апреля приехала большая бригада врачей, лаборантов из Москвы. Стало легче.

Каждый из медиков знал, чем рискует. И чтобы точнее понять цену каждому их шагу, нужно знать, нашелся и такой человек из занимавших не последний пост, кто лишь в середине мая объявился телеграммой из далекого города. В ней был вопрос, не нужен ли он?

Ему не ответили.

ОСОБАЯ ЗОНА

«Известия» первыми получили возможность попасть непосредственно на площадку станции, туда, где идут аварийные работы. В особую зону. И я, как и те специалисты, что выходят сюда на смены, полностью «почувствовал» на себе всю заботу о безопасности. Одежда, обувь, спецтранспорт, «карандаш» в кармане куртки, по которому можно определить «схваченную» дозу, и, наконец, личный осмотр. А началось все так...

Заместитель Председателя Совета Министров СССР И. С. Силаев рассказал мне, что одна из главных задач сейчас — работа по созданию «подушки» под всем четвертым аварийным реактором. Для этого вырыли котлован, спустили туда бурильные станки и теперь ведут горизонтальную пробивку скважин, в которые потом будут уложены сначала обсадные трубы, а в них — те, по которым непосредственно будет поступать в почву, в землю под машиной четвертого блока жидкий азот. Так создается мощное подземное укрепление, которое исключит попадание в почву радиоактивности из самого опасного места — из атомного реактора.

— Алло, алло! Дайте административный корпус, — кричал в трубку Александр Сергеевич Куприянов. Он звонил из Чернобыля, из штаба, где разместилась правительственная комиссия, и разыскивал по просьбе газеты В. А. Брежнева, министра транспортного строительства. Это его специалисты в числе других приехали в первые же дни, как случилась беда, на берег Припяти со всех концов страны. Метростроители из Киева и Москвы, специалисты — буровики и про-

ходчики, топографы — из Харькова, Горького, Куйбышева и Днепропетровска, люди с БАМа...

— Брежнев на объекте. Можно ехать.

И я спускаюсь из штаба правительственной комиссии к машине. Кофейная «Волга», чистенькая и блестящая, — транспорт, который, казалось бы, должен возить журналиста от подъезда министерства до подъезда другого ведомства. Но у этой за лобовым стеклом — пропуск, да еще спец, да еще рядом красный круг, обозначающий право передвигаться по зоне.

Итак, дорога из Чернобыля к зданию атомной станции. По обочинам ее — пожарные машины, огромные бульдозеры, суятся люди в спецодежде, видны солдаты, отдыхающие у палаток, разбросанных в четком шахматном порядке. Проезжаем село Ледев. Рядом, за окном машины, вызывающе бушует весна. Из-за палисадников, будто ей не хватает места, вываливается цветущая сирень. Сады покрыты белым и розовым — цветут яблони, вишни. Напряжение ничем не ощутимой опасности как бы подчеркивают пустые дома, закрытые хлевы, безлюдные улицы и поля. За селом — один из последних контрольно-пропускных пунктов в особую зону. Возле этих пунктов замерли огромные машины с объемными баками. Рядом тормозит остановленная жезлом офицеров в спецодежде возвращающаяся из АЭС техника. Ее тут же моют специальной жидкостью.

За окном — оставленная людьми Припять, город, в котором, словно в научно-фантастическом кино, дома, магазины, светофоры... Надписи «Сберкасса», «Кулинария»... Только на перекрестках — постовые. Тихо и призрачно.

Нам — направо. На новую гравийную, проложенную военными буквально за четыре дня дорогу. Наконец, дальше на «Волге» нельзя. Тормозим у административного здания Чернобыльской АЭС. Пробираясь между спецмашинами, прохожу в корпус. Проверка документов, и — вниз, в подвал. Туда, где расположился оперативный штаб Минтрансстроя СССР.

Спешащие на смену люди уже одеты во все «противо». Вижу других, отдыхающих прямо здесь же на матрасах, сидящих за столом и постукивающих костяшками домино. Дальше, дальше, мимо канцелярских столов с табличками «Минэнерго», «Минуголь», указателями «Хозяйство — такого-то». Навстречу из-за одного из столов поднимается высокий, одетый в спецодежду человек. Поправляет очки, говорит: «Вы, так понимаю, из «Известий»?»

Мое недоумение — коротко. Правда, я пока еще здесь белая ворона — «Лейка» на шее, кожаная куртка выдают «чужака».

— Переодевайтесь, — говорит министр, и я натягиваю надобную униформу, высокие башмаки на загнутах вверх резиновой подошве затягиваю кожаными ремешками.

Такое вот переодевание вырывает не только от неви-

димой беды, но и делает журналиста «своим». Минутное замешательство от того, что в особой зоне оказался человек, непосредственно не занятый в аварийных работах, исчезает. Людей вокруг меня вновь приковывает к себе дело, которое они делают, не считаясь ни с силами, ни с часами, ни с чем. Кроме, конечно, медиков. Их слово да показания дозиметрических карандашей регламентируют всякий труд. И вот эта-то одежда, мой внешний вид срабатывают в нужную для газеты сторону. Вроде уж и корреспондент причислен к делу. А стало быть, все в порядке. С ним и церемониться нечего, но и говорить можно открыто, прямо. Все как есть.

Министра подзывают к телефону (и тут достают начальника вездесущие провода), а я обращаюсь к стоящему рядом диспетчеру. Тот представляется:

— Тымчик Евгений Федотович. А должность — оперативный дежурный по Минтрансстрою. Вообще-то я начальник участка «Киевметростроя». Рабочее место — тут, в подвале за столом. Работаю — двенадцать через двенадцать, со сменщиком. Задача: держать оперативную связь между строящимся объектом и штабом, базой Минтрансстроя, всеми другими подразделениями. Куда отправить людей, кому доставить трубы или технику, все через диспетчера. Разгрузить-погрузить, сообщить... Да нет, и на объект выходить приходится: а как же? На дело и своими глазами глядеть надо.

Подходит министр:

— Вы, я так понял, уже в курсе наших задач?

— Да, в общих чертах.

— Тогда давайте и по деталям пройдемся. Так вот, с «тыла» третьего блока АЭС мы вырыли котлован. Осыпавшуюся землю укрепили сваями — забили шпунты. Эти работы производились под руководством Е. Н. Пустохода, управляющего трестом «Мостострой-1». А «Киевметрострой» производил земляные работы, подготавливал фронт для бурения. Этим занимались, впрочем, и тоннельщики. Начальник управления спецработ министерства В. А. Плохих возглавил 150 человек, прибывших из Москвы с тремя бурстанками. Они-то и взялись за самое сложное — горизонтальное бурение. Трудность в том, что надо «пройти» в длину немалое расстояние. Когда все будет готово, пустим по этим отверстиям, а точнее по трубам, питательный азот. По 25 тонн в сутки будем закачивать в скважину! Там, на другом конце труб, вырывающийся азот создаст температуру — 120—130 градусов. Земля схватится в комок и станет надежной преградой для радиации.

Сообщили: спецтранспорт готов. И Владимир Аркадьевич говорит: «Ну, что, пора к котловану?»

Всей езды-то — минут десять. Но вот как раз метры вдоль станции, метры рядом с аварийным блоком, словом, вся эта короткая дорога таит незримую опасность.

...Странное ощущение — стесняющая движения уни-

форма, со свистом проходящий через респиратор воздух... Первым на борт транспортера взбирается водитель («А кто я? Да я Серега из Чернигова»). Следом — Брежнев («Прошу вас, сюда. С переднего сиденья обзор лучше»).

Медленно поднимается, открывая обзорное стекло, броневая защита. Разворачиваемся и, пытаясь, словно большое животное, двигаемся вперед. Вот исчезли из окна машины на площадке, впереди только дорога вдоль станции к котловану. У меня под ногами, чем-то похожий на счетчик в такси, только со стрелками, закреплен прибор для определения внешней радиации. Его стрелка, слегка отклонившись от нуля, начинает раскачиваться у вполне невинной цифры. Недоуменно оглядываюсь на Брежнева.

— Тут все в порядке. Но впереди — сами увидите! — перекикивает мотор сосед.

И я увидел. В том месте, где наша машина чуть притормозила, пытаюсь пропустить идущий навстречу огромный грузовик, на пяточке, ограниченном считанными метрами, стрелка резко взяла в галоп и с ходу уперлась в «край» счетчика.

Но водитель у нас бывалый, не первую езду делает. Переключение рычагов — и стрелка на приборе опять занимает безобидное положение. Тормозим. Открываем люки и спрыгиваем на землю. За спиной, как прикрытие, стена третьего блока АЭС. Под ногами — котлован, в котором копошатся люди.

«Вот бы сюда аппарат!» — думаю я. Таких карточек никто никогда не делал. Но еще в подвале административного корпуса специалисты, взглянув на мою «Лейку», сказали: «Ты бы, парень, такую технику сюда не таскал. Вот у нас у одного даже часы отобрали: проверка на радиоактивность потом будет серьезная». А может, зря берег я редакционную технику? Никому, кроме бухгалтерии, радости тем не доставил. Но теперь уже поздно, и только записи — каракули, сделанные в блокноте, положенном на колено, — единственная картинка из центра особой зоны.

Спускаемся по песчаному грунту под большим уклоном вниз, к буровикам. Люди у станка оборачиваются, выключают технику. И тишина повисает над котлованом. Лишь из отверстия начатой проходки продолжает литься струйка воды, видимо, охлаждавшая бур. Министр вступает в «специальный» разговор с бурильщиком, а я, чувствуя некую неловкость, начинаю расспрашивать.

Вновь отлично срабатывает униформа! Раз так одет, раз здесь — значит, по делу, значит, и время на тебя потратить можно. Хотя счет его ведут тут строгий — на минуты. Работы регламентированы все теми же врачами да показаниями приборов. И Федор Кириллович Цимох — начальник СМУ-3 «Киевметростроя» — знакомит меня с мастером, маркшейдером, бурильщиками, показывает на сварщика, который сверху, лихо изогнувшись всем телом в котлован, отмечает

свою работу искрами, вылетающими из-под «жала» сварки.

Смена тут по пять часов. Если, с одной стороны, «висит» надобность покинуть зону, когда отработаешь срок, то с другой — срок этот хочется Федору Кирилловичу растянуть. Ибо и он, и министр, и все здесь понимают, что от скорости (и качества!) их теперешнего труда зависит до чрезвычайности многое. Скорость движения бура, ползущего из глубины котлована под реактор, определяет сроки важнейшего дела, о котором мне говорил в Чернобыле И. С. Силаев: «Сооружение «подушки» под всей площадью аварийного четвертого блока гарантирует нам...» Эту гарантию закрепляют сегодня все с напряжением сил: и Николай Петрович Король — мастер, и слесарь Евгений Сырников, и сварщик Бурса, и электрик Рубаненко... Но вот бурстанок заработал вновь, наполнив «чашу» котлована привычным для стройки шумом. Вижу, как министр оборачивается и поднимает большой палец вверх. Потом он объяснит, что смена уже дала десять метров проходки и это отлично, что в своем подземном пути бур не встретил бетонных преград и движется пока к цели неумолимо...

Оборачиваюсь и вижу, как пытается схитрить здоровенный мужчина. Он сдергивает респиратор, берет в рот сигарету. Ему грозят кулаком, а товарищи, это видно по глазам, улыбаются и машут руками — дескать, все поняли, нарушений не будет. Чуть отойдя в сторону, они для того, чтобы лучше слышать друг друга, чтобы не мешал свист воздуха, втягиваемого в респираторы, ведут профессиональную беседу с высокими начальством. Средоточие сил (и каких!) — академики, генералы, руководители отраслей, ведущие в своих областях специалисты — это «чернобыльский штаб». А штабные решения осуществляются здесь. Сложнейшие работы впервые в мировой практике производят, понимают, мастера. Недаром поиск их шел по всей стране.

Вот ведь странное дело: момент, когда стрелка «зашкалила» на обратном пути, я отметил спокойно. Холодок по спине не пробежал. Не то чтобы человек быстро адаптировался к ситуации, нет. Ситуация ведь — чрезвычайная! Спокойствие рождала обстановка, царившая в котловане, уверенность придавал согнутый за «баранкой» черниговский Серега, который весь путь к реактору знает наизусть, десятки людей, что пришлось мне пропустить у входа перед стеклянными дверями административного здания АЭС — они тоже спешили на работу. Не стану преуменьшать — дело, которым заняты все эти люди, действительно опасно. Но делается оно с полным осознанием этой самой опасности. Все четко понимают, что в конечном итоге зависит от их ежедневного, ежечасного, круглосуточного труда.

Аккуратно вытираем ноги о тряпку, лежащую в оцинкованном ящике у самого входа в административный корпус АЭС. Там же сдергиваем и кидаем в угол, в кучу специаль-

ные пластиковые чулки, которые прикрывали наши обувь и ноги. Куча эта быстро разрастается с возвращением смены и так же быстро исчезает — всю зараженную радиоактивной пылью «грязь» моментально убирают. Знакомая дорога ведет вниз по ступенькам в подвал. Но сначала мне не туда, наоборот — наверх. Пластиковые чулки я скинул, придется оставить и остальную одежду. Вместе с хохочущими над родившейся здесь уже шуткой молодыми ребятами прохожу в огромные душевые. Все оставлено, даже сувенира в виде респиратора или белой «докторской» шапочки не увезешь: не пропустят контролирующие вход и выход дозиметристы.

Мощные струи воды бьют в плечи. Ловлю себя на том, что гляжу, как стекает эта вода в сток и исчезает под полом. Вот ведь глупость — ясно же, никакой радиоактивности глазом не разглядишь, а все тянет что-то особое увидеть. Ничего особого не показывает и мой осмотр: приборы дозиметристов утверждают: норма. Понятно, норма для особой зоны. А ведь в этой обстановке живут и трудятся люди. Много. И, спускаясь вниз, я вижу все тех же доминошников, парня с короткой стрижкой, который ест прямо из банки с надписью «Борщ»... Завожу разговор с топографом. Тот, пытаясь за юмором скрыть профессиональную гордость, рассуждает о несчастной своей специфике: «Топографы, они что? Они первые приходят, разметку работ делают. А потом дожидаются, покуда работы окончат. Вот я сижу и жду который день». Да не ждет он, лукавит: каждому здесь находится дело. Срочное. Важное. Неотложное. Оно потребует сил, умения, смелых научных решений от огромного числа людей многие дни. Когда слышишь слова «подвиг», «героизм», другие их синонимы, когда сам шариковой авторучкой пишешь их в блокноте, вспоминаешь: в особой зоне слова эти не произносятся. Хотя дело, которое делается здесь, иначе определить просто нельзя. Здесь, на АЭС, люди совершают сегодня подвиг. Жаль, если их истинный героизм будет размыт газетными восторгами. Достаточно честного рассказа о том, что они делают.

В Чернобыле, в здании штаба, где разместилась правительственная комиссия, нас остановили врачи.

— Вам, Владимир Аркадьевич, необходимо к нашим специалистам, — говорит Брежневу вице-президент АМН СССР Л. А. Ильин.

Мы прощаемся. Неожиданно ко мне подходит кто-то из только что прибывших сюда, врачей.

— Скажите, — спросил он, держа в руках «лепесток» респиратора, — мне необходимо уточнить: этот товарищ где работал в респираторе?

И я — куда там, «бывалый», — ответил: «В котловане. В 165 метрах от аварийного реактора».